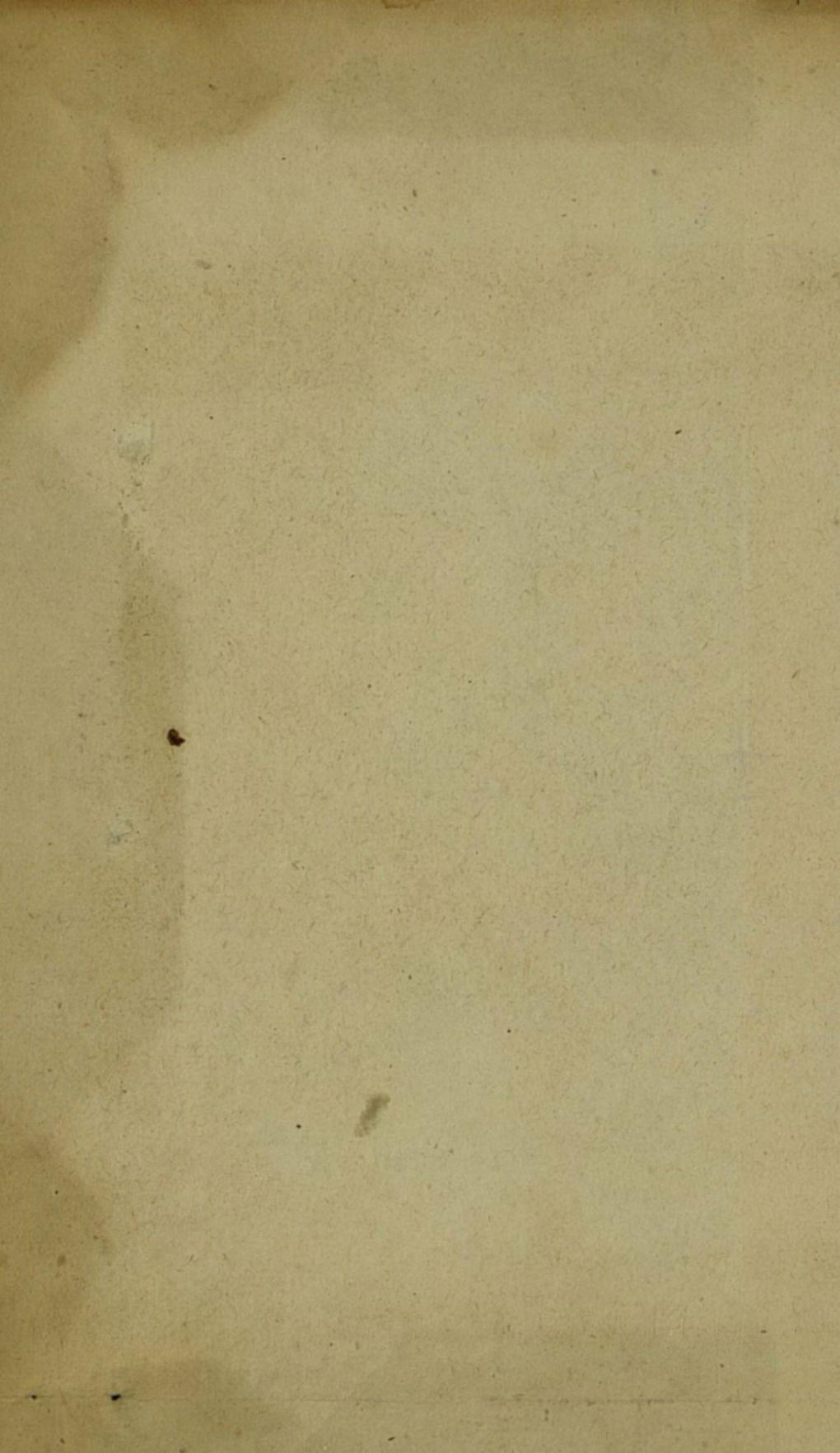

XXIV 75
11

QMD 1
43-4 rod 2 1845

262 sr.

Hai 3/20

~~147X4-K3 Am. place~~

13405

1818

1818

N 57 № 131
БІБЛІОТЕКА
для:
XXII
ВОСПІНІАНІЯ.

ОТДѢЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ЧАСТЬ III. — 4

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Ізданіе А. Семена.

МОСКВА.

въ ТИПОГРАФІИ А. Семена.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, Апрѣля 16 го дня 1843 года.

Цензоръ С. Баршевъ.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ.

Баратынскій родился въ 1800 году (*)
т. е. въ одинъ годъ съ Пушкинымъ; оба
были ровесники вѣку. — Отъ природы по-
лучилъ онъ необыкновенныя способности:
сердце глубоко-чувствительное, душу, исполнен-
ную незасыпающей любви къ прекрас-
ному, умъ свѣтлый, обширный и вмѣстѣ
тонкій, такъ сказать, до микроскопической
проницательности,—и особенно вниматель-
ный къ предметамъ возвышеннымъ и поэти-
ческимъ, къ вопросамъ глубокомысленнымъ,
къ движеніямъ внутренней жизни, къ тѣмъ
мыслямъ, которыя согрѣваютъ сердце,
проясняя разумъ, — къ тѣмъ музикальнымъ
мыслямъ, въ которыхъ голосъ сердца и го-
лосъ разума сливаются созвучно въ одно

(*) Въ селѣ Мара, Тамбовской губерніи, Кир-
сановскаго уѣзда; 29-го Іюни.

задумчивое размышление. — Въ первомъ дѣтствѣ получиль онъ самое тщательное воспитаніе ; оно много помогло впослѣдствіи развитію его необыкновенно-утонченаго вкуса. — Но молодость его была несчастлива. Въ далекой Финляндіи, посреди дикой и мрачной природы, въ разлукѣ съ родными и близкими ему людьми, съ неодолимою тоскою по родинѣ, вдали отъ тѣхъ, кто могъ бы понять его и утѣшить сочувствіемъ, печально и одиноко провелъ онъ лучшіе годы своей юности. Это обстоятельство вѣроятно содѣйствовало къ тому, что его самая свѣтлая мысли, и даже въ самое счастливое время его жизни, остались навсегда проникнуты тихою, но неотразимою грустію. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и отъ природы уже былъ склоненъ къ этому направленію мысли, которое очень часто замѣчается въ людяхъ, соединяющихъ глубокій умъ съ глубокою чувствительностію. Оно происходитъ вѣроятно оттого, что такие люди смотрятъ на жизнь не шутя, разумѣютъ ея высокую тайну, понимаютъ важность своего назна-

ченія, и вмѣстѣ неотступно чувствуютъ бѣдность земнаго бытія. Оттого они даже въ кругу забавъ и шумныхъ удовольствій часто кажутся печальными; оттого самое чувство радости для нихъ бываетъ соединено съ непреодолимою задумчивостію и скорѣе похоже на грусть, чѣмъ на веселость обыкновенныхъ людей.

Но между тѣмъ изъ Финляндіи Баратынскій могъ иногда прїезжать въ Петербургъ, гдѣ въ то время только явился первый выпускъ учениковъ Царскосельского лицея, — юношѣй, почти дѣтей, связанныхъ узами благородной дружбы, основанной на одинаковомъ воспитаніи, на общей, имъ внушенной любви къ великому, къ прекрасному, къ просвѣщенію, къ наукамъ, къ искусству,—дружбы, особенно-крѣпкой внутреннимъ согласіемъ ихъ нравственныхъ понятій. Въ числѣ ихъ, былъ молодой Пушкинъ, Дельвигъ и весьма многіе юноши, богатые талантами, или замѣчательные умомъ, или сильные характеромъ, различные способностями, по всѣ проникнутые нетерпѣливою жаждою дѣятельности, живымъ стремленіемъ

къ значительнымъ цѣлямъ жизни. Впослѣдствіи не всѣ развились одинаково; различныя обстоятельства развели ихъ въ различныя стороны; нѣкоторые могли остановиться въ своемъ развитіи; иные, можетъ быть, могли уклониться отъ первого направленія, впасть на нѣкоторое время въ крайность или заблужденіе; другіе счастливо совершили поприще свое: но въ то время ихъ общее дружеское сочувствіе пробудило въ каждомъ изъ нихъ всѣ лучшія способности души, такъ что изъ ихъ значительного круга, или отъ живаго соприкосновенія съ ними, вышли почти всѣ замѣчательные люди того времени. Съ ними сошелся и Баратынскій, и, въ ихъ живительномъ обществѣ, загорѣлась въ душѣ его первая искра его поэтическаго таланта, уже приготовленнаго его прежнею жизнью. Такъ въ хорошемъ, равно какъ и въ дурномъ, сочувствіе окружающихъ насъ людей вызываетъ изъ сердца тѣ стремленія, которыя безъ того, можетъ быть, никогда не родились бы на свѣтѣ. Общее мнѣніе скоро соединило имя Баратынского съ имепами

Пушкина и Дельвига, въ то же время, какъ внутреннее сродство сердечныхъ пристрастій связало ихъ самою искреннею дружбою, цѣло-сохранившееся до конца жизни всѣхъ трехъ.

Баратынскій скончался въ прошедшемъ году, въ Италіи, которую онъ особенно любилъ въ своихъ далекихъ мечтаніяхъ, — въ кругу своего семейства, гдѣ онъ нашелъ тѣ душевное счастіе, которое было главнѣйшею потребностію его любящаго сердца. «Сладко проходитъ здѣсь жизнь наша» — писалъ онъ въ послѣднемъ письмѣ изъ Неаполя къ своему брату.

Стихи Баратынского отличаются тѣми же качествами, какія составляли особенность его поэтической личности: утонченность наружной отдѣлки всегда скрываетъ въ нихъ сердечную мысль, глубоко и заботливо обдуманную. Но между тѣмъ сколько ни замѣчательно ихъ поэтическое достоинство, однако они еще не вполнѣ высказываютъ тотъ міръ изящнаго, который онъ носилъ въ глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно-чувствительный къ сочувствію лю-

дѣй ему близкихъ, Баратынскій охотно и глубоко высказывался въ тихихъ дружескихъ бесѣдахъ, и тѣмъ заглушалъ въ себѣ иногда потребность выражаться для публики. Изливъ свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстною шуткою, дальновидностью тонкихъ замѣчаній, поразительной оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни, — Баратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможныхъ далекихъ читателямъ. Оттого для тѣхъ, кто имѣлъ счастіе его знать, прекрасные звуки его стиховъ являются еще многозначительнѣе, какъ отголоски его внутренней жизни. Но для другихъ, чтобы понять всю красоту его созданій, надобно прежде вдуматься въ совокупный смыслъ его отдѣльныхъ стихотвореній, вслушаться въ общую гармонію его задумчивой поэзіи.

И. К.

I.

Прощай, отчизна непогоды ,
Печальная страна,
Гдѣ дочь любимая природы ,
Безжизненна весна ;
Гдѣ солнце нехотя сіаетъ,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ
И моря ревъ, и все питаетъ
Безумье мрачныхъ думъ ;
Гдѣ, отлученный отъ отчизны
Враждебною судьбой ,
Изнемогаль безъ укоризны
Изгнаникъ молодой ;
Гдѣ позабытъ молвой гремучей
Но все душой піить,
Свою Музою летучей
Онъ не былъ позабытъ !

Теперь для сладкаго свиданья
 Спѣшу къ странѣ родной ;
 Въ воображеныи край изгнанья
 Послѣдуетъ за мной ;
 И камней мшистыя громады ,
 И видѣ полей нагихъ ,
 И вѣковые водопады ,
 И шумъ угрюмый ихъ !
 Я вспомню съ тайнымъ сладострастиемъ
 Пустынную страну ,
 Гдѣ я, въ размолвкѣ съ тихимъ счастьемъ
 Провелъ мою весну ;
 Но гдѣ порою житель неба ,
 На перекоръ судьбѣ ,
 Не измѣнилъ питомецъ Феба
 Ни Музамъ ни себѣ .

II.

Чудный градъ порой сольется
Изъ летучихъ облаковъ ;
Но лишь вѣтръ его коснется ,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ :
Такъ мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты.

III.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
 Не умолкай, потокъ сѣдой !
 Соединяй протяжный вой
 Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

Я слышу, свищетъ Аквилонъ,
 Качаетъ елію скрыпучей,
 И съ непогодою ревучей
 Твой ревъ мятежный соглашёнъ.

Зачѣмъ съ безумнымъ ожиданьемъ ,
 Къ тебѣ прислушиваюсь я ?
 Зачѣмъ трепещетъ грудь моя
 Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ ?

Какъ очарованный стою
 Надъ дымной бездною твою .
 И мнится, сердцемъ разумью
 Рѣчь безглагольную твою.

Шуми, шуми съ крутой вершины
 Не умолкай потокъ съдой !
 Соединяй протяжный вой
 Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

IV.

Судьбой наложенные цѣпи
 Упали съ рукъ моихъ, и вновь
 Я вижу васъ, родныя степи,
 Моя начальная любовь.

Степнаго неба сводъ желанной ,
 Степнаго воздуха струи ,
 На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
 Остановилъ глаза мои.

Но мнѣ увидѣть было слаще
 Лѣсъ на покатѣ двухъ холмовъ

И скромный домъ въ садовой чащѣ —
Пріютъ младенческихъ годовъ.

Промчалось ты, златое время!
Съ тѣхъ поръ по свѣту я бродилъ,
И наблюдалъ людское племя ,
И, наблюдая, возскорбиль.

Ко благу пылкое стремленье
Отъ Неба было мнѣ дано ;
Но обрѣло ли раздѣленье,
Но принесло ли плодъ оно ?

Я братьевъ зналъ ; но сны младые
Соединили насть на мигъ :
Далече странствуютъ иные
И въ мірѣ нѣтъ уже другихъ.

Я твой, родимая дуброва !
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительного крова
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.

Привель подъ сѣнь твою святую
Я соучастницу въ мольбахъ ,

Мою супругу молодую
Съ младенцомъ тихимъ на рукахъ.

Пускай, пускай въ глухи смиренной
Съ ней милой, быть мой утая,
Другихъ урочищей вселенной
Не буду помнить бытія.

Пускай о свѣтѣ не тоскуя ,
Предавъ забвенію людей ,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

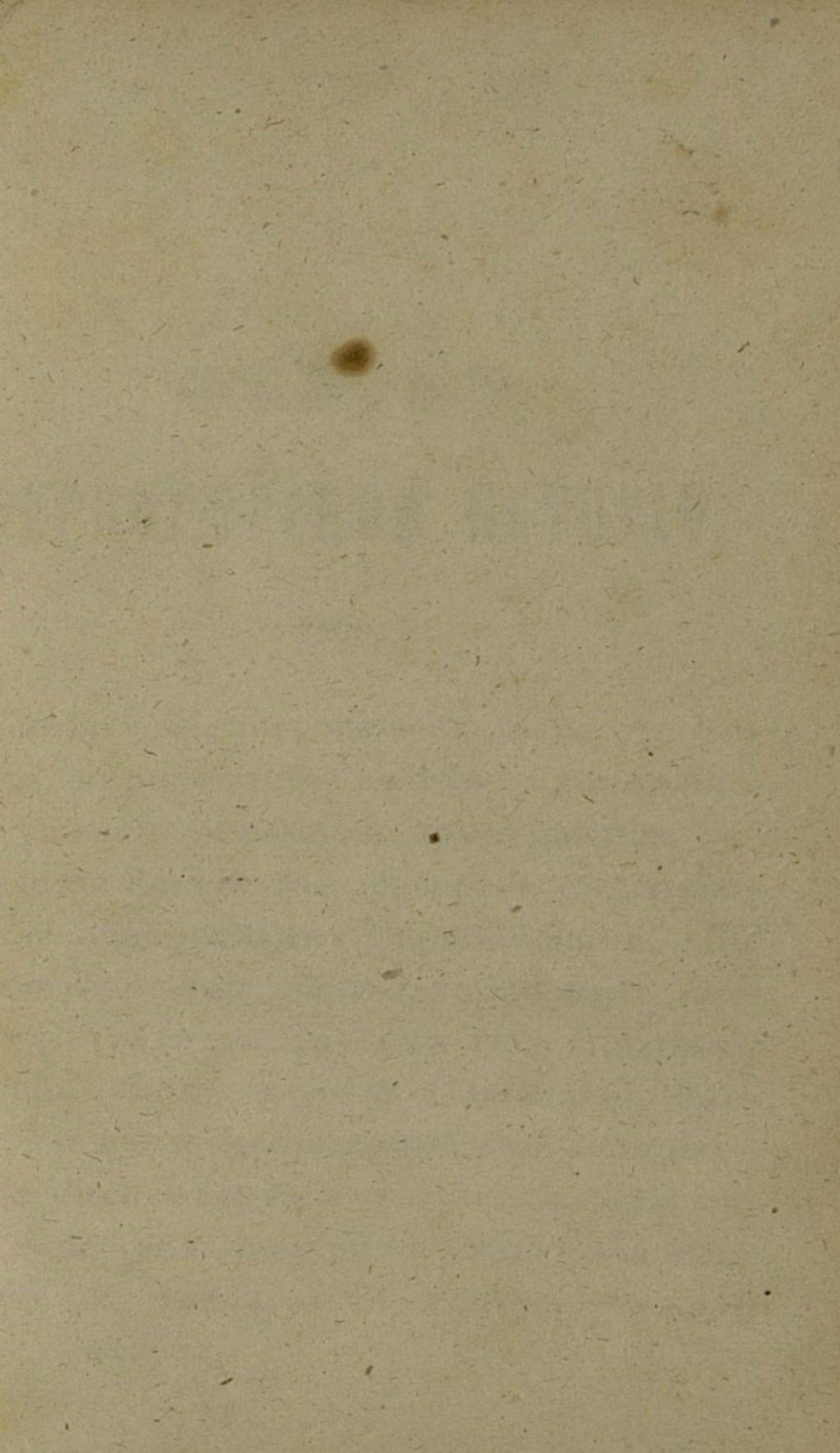
CXXV.

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!
 Какъ ясенъ небосклонъ!
 Своей лазурю живой
 Слѣпить мнъ очи онъ.

Весна, весна! какъ высоко
 На крыльяхъ вѣтерка,
 Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
 Летаютъ облака!

Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!
 Взревѣвъ, рѣка несетъ
 На торжествующемъ хребтѣ
 Поднятый ею ледъ!

Еще дрѣва обнажены,
 Но въ рощѣ ветхой листъ,
 Какъ прежде, подъ моей ногой,
 И шуменъ и душистъ.

ОЧЕРКЪ

ЧЕРНОГОРСКОЙ ИСТОРИИ.

Смотря на географическую карту Европы, вѣроятно вы часто удивлялись тому, какія огромныя пространства занимаютъ Россія въ сравненіи съ другими государствами Европейскими. Вы удивитесь еще болѣе, если замѣтите, что и въ другихъ государствахъ многія земли заселены Славянами, племенами намъ однородными, изъ которыхъ многія исповѣдуютъ и одну съ нами вѣру. Они всѣ потеряли свою независимость и повинуются теперь чуждѣй

власти Нѣмцевъ или Турокъ. Впослѣдствіи мы разскажемъ про историческія судьбы каждого изъ этихъ племенъ, теперь же намѣрены передать вамъ исторію Черногорцевъ, племени, обитающаго въ Турціи между Босніею, Албаніею, Герцеговиною и Австрійскою Далмаціею.

Большая часть той земли, которую обыкновенно называютъ Турциею, населена Славянами Сербскаго и Болгарскаго племени; они говорятъ своимъ языкомъ, сходнымъ съ Русскимъ и съ Славяно-церковнымъ, и почти всѣ исповѣдуютъ Православную вѣру. Нѣкогда эти племена были покорны Византіи и платили ей дань; впослѣдствіи, когда Византійская имперія начала склоняться къ паденію, Славяне задумали составить отдельное государство. Въ половинѣ XII столѣтія, послѣ смерти императора Эммануила, одинъ изъ ихъ князей Стефанъ Неманя, отторгнулъ нѣкоторые племена отъ власти Греческой им-

періи; при его сынѣ, тоже Стефанѣ, прозванномъ *Первовънчанимъ*, упрочилась независимость Славянъ. Ихъ преемники распространяли болѣе и болѣе свои владѣнія, и, наконецъ, при Стефанѣ Душанѣ (въ 1-й половинѣ XIV столѣтія), Сербія соединила подъ одну державу почти всѣ племена Славянскія, обитавшія въ имперіи. Царствованіе Душана было славнымъ временемъ для Сербіи; онъ былъ столько же храбрый воинъ, сколько и мудрый законодатель; заботился о распространеніи предѣловъ своего царства и вмѣстѣ съ тѣмъ о внутреннемъ порядкѣ и управлениі. Черногорія, подъ именемъ Зеты, принадлежала къ его царству. Но съ этого же времени, славнаго для Сербіи, начинается ея паденіе. Съ одной стороны, преемники Стефана не имѣли достаточно силы и умѣнья, чтобы продолжать начатое имъ дѣло, съ другой—нашествія Туровъ грозили завоеваньемъ всему Гре-

ческому полуострову. Въ самой Сербії нача ипъ неустройства. Сынъ Стефана, малолѣтный Урошъ, былъ убитъ воеводою Вукашиномъ. Вукашинъ сълъ на окровавленный имъ престолъ Сербіи и вачались междуусобія. Зета, не признавая его царемъ, избрала своего князя и отдѣлилась отъ Сербіи.

Преемникъ Сулеймана, Амуратъ I-й, за воевалъ Адріанополь и прилегавшія къ нему Славянскія земли, и съ огромнымъ войскомъ шелъ на Сербію.

Предъ грозившію опасностію Сербы соединились вновь. Послѣ Вукашина, общимъ согласіемъ они избрали царемъ Лазаря; но эта минута взапмнаго мира и согласія была послѣдняя. Амуратъ, при Косовѣ полѣ, встрѣтилъ соединенныя силы Сербовъ. Здѣсь (въ 1389) была та грозная битва, въ которой были убиты султанъ Амуратъ, царь Лазарь и пало Сербское царство. Всѣ его области были завоеваны Турками, исключ-

чая одной Зеты. Зетскій банъ Баоша спѣшилъ съ войсками къ Косову полю, но, узнавъ на дорогѣ, что войска Сербскія были разбиты и Турки грозятъ нападенiemъ на его владѣнія, возвратился назадъ, собралъ новыя войска и на границѣ выжидалъ Туровъ. Но смерть Амурата замедлила на время походъ на Зету. При его преемникѣ предположено было окончательно завоевать всѣ области имперіи Греческой и Сербскаго царства. Въ Черногоріи, по смерти перваго бана, владѣли его наследники, прозванные Черноевичами. Имъ было еще возможно защищаться противъ Туровъ, ибо смежныя съ ними области еще не были вполнѣ покорены власти Мусульманъ и дрались съ ними, Георгій Кастріотъ, прозванный Скандербергомъ, соединивъ подъ свою власть Эпиръ и Албанию, счастливо защищался противъ Туровъ. Въ Босніи образовалась небольшая, но независимая область Герцегови-

на, названная такъ по прозванию своего владѣтеля , Стефана—Герцегомъ, и тоже защищалась. Черноевичъ былъ союзникъ обѣихъ державъ , но вскорѣ, по смерти Кастріота, Эпиръ , Албанія и Герцеговина были завоеваны Турками ; съ этой минуты Черногорцы лишились союзниковъ и одни должны были противоборствовать силѣ Туровъ. Они попробовали было просить помощи у Венециі, но она не только не думала помочь имъ , но желала обезсиливать ихъ, опасаясь, чтобы подвластные ей приморцы, единоплеменники и единовѣрцы Черногорцамъ, не соединились когда-нибудь съ ними. Венеция дѣйствовала коварно. Ведя войну съ Турками, всегда приглашала въ союзъ Черногорцевъ, и они помогали ей. Заключая миръ , она всегда выдавала Черногорцевъ, и мщеніе Турокъ всегда разражалось надъ ними. Никто не могъ помочь Черногорцамъ. Славянскія земли въ западной

Европѣ давно были пленены Латинскою
еврою и чуждою властью. Въ Россіи,
во время паденія Сербіи, княжилъ Ва-
сплій, сынъ Димитрія Донскаго. Наше-
ствіемъ Монголовъ были прерваны ея
спошненія съ Византіею и южными Сла-
вянами, отъ которыхъ нѣкогда пришли
къ ней и проповѣдь истинной вѣры, и кни-
ги Священнаго писанія на языкѣ ей
родномъ. Лишь только нанесла она рѣ-
шительный ударъ Татарамъ; лишь только
возникла сила и единство земли Рус-
ской въ Москвѣ, какъ страшная судьба
постигла южныхъ собратій. Съ юга ей
грозили еще остатки Татарскихъ ордъ,
съ запада Литва и Ливонія; а внутри
ея только что развивалась и созрева-
ла ея будущая сила. Когда усмирила
она враговъ вѣшнихъ и укрѣпилась
внутри, — она протянула руку помощи
южнымъ Славянамъ при великомъ Пет-
рѣ. Между тѣмъ, ожидая этой счастли-
вой минуты, Черногорцы, маленькое пле-

мя, заключенное въ горахъ безплодныхъ, должны были одни вести войну съ грозною силою Туровъ почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія, — войну за Святую, Православную впру и свободу своего отечества, говоря словами ихъ народныхъ пѣсенъ.

Турки со всѣхъ сторонъ окружили Черногорію; не будучи въ силахъ защищать долины, Иванъ Черноевичъ оставилъ свою столицу Жаблякъ и перенесъ средоточіе земли внутрь горнѣй Зеты, въ Цетинскую долину; здѣсь онъ построилъ монастырь и учредилъ въ немъ митрополію; здѣсь построилъ свой домъ.

Турки завоевали всю долину Зету, но всѣ ихъ усилія завоевать горнью оставались напрасны. Они удовольствовались тѣмъ, что прозвали ее горами ужасными, черными (Карадахъ), и поручили Скутарскому пашу стѣснять ея пре-

дѣлы и вести постоянную войну. Съ этого времени горная Зета прозвалась Черногорію.

Послѣдній Черноевичъ, добровольно отказавшись отъ власти и поставивъ, по волѣ народа, своимъ преемникомъ митрополита, удалился въ Италию; такъ началась власть митрополитовъ въ Черной горѣ; не самовольно митрополить забралъ въ руки государственное управление; его избралъ народъ, и управление принадлежитъ столько же ему, сколько и народу. Паступило ужасное время для Черногоріи ; — Турки тѣснили се со всѣхъ сторонъ; отняли всѣ плодоносныя долины ; препятствовали ввозу сѣстныхъ припасовъ, тѣмъ болѣе — пороху и свинцу, который запрещено было продавать имъ и въ Венецианскихъ владѣніяхъ. Безплодныя горы не въ состояніи были прокормить Черногорское народонаселеніе ; въ ней распространилась крайняя бѣдность ; между тѣмъ Турки награж-

дали и деньгами и землями тѣхъ, которые принимали Магометанскую вѣру. Соблазнъ былъ великъ, и многіе рѣшились оставить вѣру отцевъ. Въ Черногорію сильно прокрались Магометанство; возникли внутреннія вражды и кровавая месть, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ безпрерывно нападали Турки и покорили большую часть земель. Одна Катунская нахія (уѣздъ), самая бѣдная изъ всѣхъ, не поддавалась ни силѣ Туровъ, ни Магометанской вѣрѣ, и свято хранила преданья отцовъ.

Въ такомъ положеніи была Черногорія, когда на престолъ митрополитскій взошелъ Даніпль, современникъ Петра Великаго. Предки митрополита Даніила были выходцы изъ Герцеговины. Когда Турки завоевали ихъ родину, они удалились въ Черногорію и поселились на скатахъ горы Ловчина. Построенное ими село они назвали Негоши, по имени той горы въ Герцеговинѣ, при подножіи которой

они жили прежде. Даніилъ еще ребенкомъ тайно ушелъ отъ родителей въ Цетинскій монастырь; тамъ онъ былъ постриженъ въ монахи и принялъ имя Даніила, вместо прежняго Ніко (Николай). Старшій братъ его былъ однимъ изъ начальниковъ Черногорскихъ, любимъ иуважаемъ народомъ. По смерти митрополита Саввы (въ 1697 году), народъ, изъ привязанности къ брату, избралъ Даніила владыкою; ему было не болѣе 16 лѣтъ въ это время. Когда посланные отъ народа пришли и звали его въ собраніе, онъ отказывался и плакалъ; насильно вывели его къ народу, и народъ тысячами выстрѣловъ привѣтствовалъ его какъ владыку. Черезъ три года, Арсеній Черноевичъ, патріархъ Сербскій, въ Венгріи рукоположилъ его архіереемъ и на соборѣ передалъ его попеченію епархію Скендарскую. Нѣть никакихъ известій о первыхъ годахъ владычества Даніила. Но его сильно зани-

мала судьба Черногоріи. Онъ чувствовалъ,—если Магометанская въра и власть Турокъ будутъ распространяться болѣе и болѣе, то неизбѣжно погибнетъ его родина. Онъ приготавлялъ сї лучшую судьбу; слѣдующія происшествія вызвали Даніила на поприще дѣйствія, и съ этого времени вся история Черногоріи, ему современная и будущая, тѣспо связалась съ его лицомъ. Турки, предвидя въ немъ ихъ будущаго побѣдителя, искали средства умертвить его. Въ это время пріѣхалъ въ Подгорицу (Турецкую крѣпость, граничную съ Черногоріем) посланникъ изъ Константинополя, съ цѣлію прекратить войну на границахъ и окончательно присоединить Черногорію къ Турціи. Онъ послалъ къ владыку пословъ просить его къ себѣ для важныхъ переговоровъ. Зная коварство Турокъ, владыка, можетъ быть, не согласился бы исполнить требование паши, еслибъ къ этому не присоедини-

лось другое обстоятельство, принудившее его поѣхать въ Подгорицу. Народная пѣсня такъ разсказываетъ это происшествіе. Одинъ священникъ въ дольней Зетѣ, видя, какъ сильно распространяется Магометанство, собралъ на совѣтъ своихъ согражданъ и уговорилъ ихъ выстроить Православную церковь. Скоро были собраны деньги, и церковь выстроена; вмѣстѣ съ посольствомъ паши, жители Зеты пришли къ Даниилу и просили его освятить имъ церковь, уверяя честнымъ словомъ паши, что Турки не сдѣлаютъ ему никакого оскорблениѧ. Ради Православной впры и своего закона, говоря словами пѣсни, владыка рѣшился исполнить ихъ просьбу, хотя не вѣрилъ слову паши и, прощааясь съ Черногорцами, говорилъ: Богъ знаетъ, возвращусь ли я. Демиръ паша ласково встрѣтилъ владыку, самъ вышелъ къ нему на встрѣчу, но, послѣ переговоровъ, увидавъ, что ему не удастся преклонить

его на свою сторону. Когда владыка освящалъ церковь, во время литургіи Турки схватили его и стали мучить. Мученьями думалъ паша принудить его согласиться на свои предложенія, но ошибся въ своемъ разсчетѣ. Послѣ многихъ мученій, Даніилу связали назадъ руки и повели отъ Подгорицы къ Спужу (другой Турецкой крѣпости), говоря: пусть выберетъ самъ мѣсто для своей казни. Такъ нѣсколько дней водили его взадъ и впередъ, а ночью, подвязывая подъ руки веревку, привѣшивали къ стѣнѣ, чтобы не ушелъ. Зетскій священникъ тайно приходилъ къ нему ночью на плечахъ поддерживалъ его. Такъ мучили Турки Православнаго епископа, и Даніиль твердо переносилъ мученія, но такой поступокъ съ владыкою возмутилъ жителей Зеты. Они пришли къ пашѣ и просили его отпустить владыку; они грозили несчастіями, голодомъ и болѣзнями, если онъ вздумаетъ убитъ

его. Суевѣрный Турокъ, испуганный предвѣщаніями, рѣшился освободить его, назначивъ выкупъ въ 600 цехиновъ. Бѣдные Зетчане и Черногорцы продали послѣднее имущество, составили требуемую сумму и выкупили Даніила.

Возвратясь въ Черногорію, Даніиль собралъ весь народъ въ Цетинскую долину на общее совѣщеніе. Чувствуя, что главную причину бѣдствій Черногоріи составляютъ распространившіеся въ ней Магометане, народъ рѣшился изгнать или истребить ихъ и тѣмъ окончательно прервать всѣ сношенія съ Турціею. Наканунѣ Рождества Христова рѣшились исполнить и исполнили свое намѣреніе. Турки, желая отмстить за такой поступокъ, напали на Черногорію, но владыка Даніиль счастливо отразилъ ихъ нападеніе и обратилъ все вниманіе на устройство порядка внутри Черногоріи. Но его мирныя занятія вскорѣ были прерваны новою войною.

Въ это время (въ 1711 году) Россія воевала съ Турціею. Петръ Великій, узнавъ о Черногорцахъ, отправилъ къ нимъ посланниковъ съ грамотами на имя владыки и губернатора, и приглашалъ ихъ принять участіе въ войнѣ, предпринятой имъ съ тою цѣлію, чтобы угнѣтенныхъ Православныхъ Христіанъ, если Богъ поможетъ, отъ ига Магометанскаго освободить. Снова былъ собранъ весь народъ, и владыка прочелъ ему грамоты Русскаго императора. Народные пѣсни описываютъ тотъ восторгъ, съ которымъ выслушали ихъ Черногорцы. Всѣ воскликнули единогласно: Слава Великому Богу, мы слыхали, что гдѣ-то далеко существуетъ Православный царь и великое царство, но никогда не думали, что онъ знать и помышлять о насъ. Но теперь, когда онъ призываетъ насъ на войну противъ Туровъ, вотъ наши сабли при поясѣ, наши ружья въ рукахъ; мы ис-

правны и готовы ударить на враговъ, когда повелитъ онъ. Никто бы не подумалъ, продолжаетъ та же пѣсня, что Черногорцы идутъ на войну; казалось они приготовляются къ свадебному пиру.

Но радость продолжалась не долго. Между тѣмъ какъ Черногорцы дрались на границахъ, пришло извѣстіе о мирѣ, заключенномъ при Прутѣ. По заключеніи мира съ Русскими, сераскиръ Ахметъ паша получилъ повелѣніе съ 60 тыс. войска двинуться на Черную гору. Услышавъ о движеніи Туровъ, владыка удалился внутрь Черной горы, соединилъ войска и готовился ихъ встрѣтить. Весною, въ 1713 году, была битва при Царевомъ Лазѣ, гдѣ владыка Даніилъ на голову разбилъ Туровъ. Онъ самъ предводительствовалъ войскомъ. Крестъ, подаренный ему Петромъ Великимъ, который онъ носилъ всегда на груди, былъ разсѣченъ ударомъ сабли, но Даніилъ остался невредимъ.

Настало время мира, но не надолго. На другой годъ, Душманъ паша Чуприловичъ съ 120 тыс. войска двинулся на Черногорію, чтобы отмстить ей за пораженіе Турокъ. Прійдя на границы, онъ писалъ Черногорцамъ, что Турки хотятъ заключить съ ними миръ, и просилъ ихъ прислать своихъ уполномоченныхъ. Владыка послалъ тридцать семь человѣкъ, но паша велѣлъ ихъ зарѣзать и началъ войну. Его огромное войско наводнило всю Черногорію; трудно было малочисленнымъ Черногорцамъ, нуждавшимся въ порохѣ и свинцѣ, противостоять его силѣ. Но они, отправивъ женъ и дѣтей въ Венецианскія владѣнья, заключили между собою союзъ — лучше умереть, нежели покориться Туркамъ. Нѣсколько недѣль длилась война; множество погибло Черногорцевъ; немногіе скрылись въ горныхъ ущельяхъ. Паша, съ огнемъ и мечемъ пройдя всю Черногорію, подступилъ наконецъ къ Вене-

ціянскимъ границамъ. Венеція позволила ему пройдти черезъ свои владѣнія и сѣсть на корабли, и выдала Туркамъ Черногорскихъ женъ и дѣтей. И Турки зарѣзали всѣхъ дѣтей мужескаго пола. Изливъ свою злобу на несчастныя жертвы, паша удалился, сказавъ: Черногорія уже не встанетъ. На пути онъ отнялъ Морею у Венеціанъ — достойная награда за ихъ коварство, говоритъ Черногорская пѣсня.

Между тѣмъ, остатки Черногорского народонаселенія соединились снова. Начали строить сёла и церкви, и дрались на границахъ съ Турками. Владыка Даніилъ отправился въ Россію просить вспомоществованія, и Петръ Великій щедро наградилъ его. Когда онъ возвратился назадъ, у Турокъ пронесся слухъ, что Черногорцы готовятъ войска, желая отмстить Туркамъ. Чтобы предупредить, Турки исколѣко разъ нападали со стороны Герцеговины, по владыка Даніиль

такъ счастливо отразилъ ихъ всѣ нападенія, что, въ послѣдніе годы его владычества, Турки не смѣли нападать на Черногорію. Онъ умеръ въ 1735 году и погребенъ въ монастырѣ Цетинскомъ; вся Черногорія собралась къ его гробу; всѣ клялись исполнить его завѣщаніе: хранить вѣру отцовъ и независимость родины. Даниилъ былъ храбръ и неустрашимъ, всегда самъ предводительствовалъ войскомъ (*), былъ дѣятеленъ въ дѣлахъ внутренняго управлениѧ; упрочить внутреннее согласіе, уничтожить кровавую месть—было постояннымъ его стремленіемъ. Черногорцы по справедливоности называютъ его возстановителемъ своей свободы. Память о немъ живо сохраняется въ Черногоріи, и каждый Чер-

(*) Необходимость заставляетъ Черногорское духовенство участвовать въ войнахъ. И у насъ въ Кумиковской битвѣ, по благословенію Св. Сергія, участвовали монахи Пересть и Ослябь.

погорецъ знаетъ и поетъ пѣсни про его подвиги.

Владыки, его преемники, продолжали подвиги, начатые Данииломъ. Они заботились внутри Черногоріи упрочить взаимное согласіе и ввести стройное управлениe. Съ этою цѣлію стремились они придать большую силу и значеніе народнымъ собраніямъ, которыя избирали судей для каждого села и племени. Судьи обязывались разбирать тяжбы между Черногорцами и предупреждать самоуправство и кровавую месть. Но обычай кровавой мести сильно укоренился въ народѣ; долго и упорно онъ существовалъ, несмотря на дѣйствія владыкъ. Только въ недавнее время уничтожена совершенно кровавая месть въ Черногоріи. Со временъ Даниила опредѣлились окончательно отношенія Черногоріи къ Турціи и другимъ державамъ. Турки уже перестали считать Черногорію одною изъ земель, имъ при-

надлежащихъ, бунтующею противъ законной власти. Черногорцы сильней почувствовали свою независимость, и решились отстоять ее чтобы то ни стало. Двусмысленныя отношенія къ Венеции также опредѣлились, и Черногорія узнала въ ней тайного и опаснаго врага. Черногорія перестала быть толпою народа, отдѣленною отъ всѣхъ и окруженною только врагами. Она пришла въ сношенія съ Россіею и укрѣпилась сочувствіемъ съ великимъ народомъ, единоплеменнымъ и единовѣрнымъ съ нею.

Вѣчная и непримираемая вражда съ Турками, какъ противниками Православной вѣры и губителями Сербскаго царства, недовѣrie къ Венеции и другимъ западнымъ сосѣдямъ, внутреннее взаимное согласіе и постоянная преданность Россіи — вотъ начала, завѣщанныя Даніемъ своему народу. Ихъ хранить онъ до сихъ поръ. Въ началѣ XVIII столѣ-

тія, Даніилъ открылъ новый періодъ въ исторіи Черногоріи, и въ концѣ того же столѣтія и въ началѣ XIX-го бліж-
стательно довершилъ его митрополитъ Петръ, современникъ императора Александра. Передъ временемъ Петра, внутренній миръ былъ нарушенъ въ Черногоріи. Слабое управление, особенно въ послѣдніе годы, митрополита Саввы и появление самозванца, Стефана Малаго, были тому причиною. По прежнему сильно начались кровавая месть и ме-
ждоусобныя войны. Турки умѣли этимъ воспользоваться. Въ годъ смерти ми-
трополита Саввы, когда избранный на-
родомъ ему въ преемники племянникъ
его Петръ поѣхалъ рукополагаться къ Сербскому митрополиту, Турки откры-
ли войну. Албанскій паша Кара-Мах-
мудъ (въ 1785 году) въ расплохъ на-
палъ на Черногорію, и съ огнемъ и ме-
чемъ прошелъ ее всю до Цетинской доли-
ны. Многія изъ племенъ покорились

Туркамъ, другія согласились платить имъ дань. Въ такомъ положеніи, возвратившись назадъ, засталъ Черногорію владыка Петръ. Онъ собралъ народъ въ Цетинской долинѣ и уговаривалъ его забыть вражды, помириться и общими силами сбросить Турское иго. Два года постоянно ходилъ онъ отъ одного племени къ другому, изъ села въ село, проповѣдуя внутренній миръ и войну противъ Турокъ.

Въ это время, императрица Екатерина, вмѣстѣ съ Австріею, объявила войну Туркамъ. Посланники отъ обѣихъ державъ пришли въ Черногорію и приглашали Черногорцевъ участвовать въ этой войнѣ. Вся Черногорія встала. Началась война и счастливо продолжалась нѣсколько лѣтъ. Наконецъ (въ 1791 году), пришло извѣстіе, что союзные державы заключили миръ съ Турциею и что Кара-Махмудъ со всѣми своими силами идетъ на Черногорію.

Между тѣмъ у Черногорцевъ не было ни пороху ни свинцу. Владыка Петръ былъ принужденъ послать императору Леопольду II-му драгоцѣнную митру, подаренную императрицею Елизаветою одному изъ его предшественниковъ, и просить за нее пороху и свинцу. Лишь только Черногорцы получили то и другое, какъ Кара-Махмудъ уже вторгнулся въ ихъ предѣлы. Владыка соединилъ всѣхъ Черногорцевъ и самъ повелъ ихъ противъ Туровъ. Послѣ двукратного боя, Турецкія войска были разбиты и самъ Кара-Махмудъ убитъ. Наступилъ миръ въ Черногоріи.

Между тѣмъ, въ западной Европѣ гремѣла война, измѣняясь прежній порядокъ вещей; Венецианская республика была завоевана и уничтожена Французами. Ея судьба имѣла вліяніе на судьбу подвластной ей Далмаціи. По Кампо-Формійскому договору (1798 года), она была присоединена къ Австрійской им-

періи. Австрійскія войска вступили въ Далмацію. Но вскорѣ побѣды Наполеона принудили Австрію къ заключенію Презбургскаго мира (26 Декабря 1805 года), по которому Австрійская имперія обязалась уступить Далмацію Французамъ. Узнавъ объ этомъ, жители Каттарскаго округа возстали и обратились съ просьбою къ митрополиту Черногорскому — защитить ихъ отъ Французовъ. Митрополитъ вступилъ съ войсками въ приморіе и находившихся тамъ Австрійцевъ принудилъ удалиться. Услышавъ о дѣйствіяхъ Черногорцевъ, адмиралъ Сенявинъ, охранявшій въ это время Іоническія острова отъ Французовъ, вошелъ съ флотомъ въ Каттарскій заливъ и, совокупно съ Черногорцами, открылъ военные дѣйствія. Вскорѣ Далмація до Рагузы была завоевана Русскими и Черногорцами. Наполеонъ, не видя возможности съ моря защитить Далмацію, принудилъ Австрію пропустить

чрезъ свои владѣнья 40-тысячный корпусъ Французовъ. Вскорѣ Лористонъ занялъ Рагузу. Послѣ жестокихъ битвъ подъ ея стѣнами, пришло повелѣніе отъ императора Александра прекратить войну. Но спустя немногого времени, вновь началась эта война и продолжалась до 1814 года. Во время нашествія Наполеона на Россію, Черногорцы счастливо дрались съ Французами въ Далмаціи и постоянно владѣли Каттарскимъ округомъ. По Вѣнскому договору, Далмація уступлена была Австрійской имперіи. По повелѣнію императора Александра, владыка передалъ Австріи округъ Каттарскій и удалился въ Черную гору, гдѣ ожидали его новыя войны съ Турками; но онъ окончилъ ихъ блистательно, отнявъ у Турокъ и присоединивъ къ Черногоріи многія племена. Владыка Петръ былъ высокаго росту и красивъ собою, краснорѣчивъ, съ образованнымъ умомъ и непреклонною волею. Всегда самъ пред-

водительствовалъ войскомъ и вель сношениа съ сосѣдними народами; ни сила Турокъ, ни хитрыя обѣщанья Французовъ не могли поколебать его рѣшиимости, ни самой правительственной власти. Защитить независимость Черногоріи и поддержать союзъ съ Россіею,— вотъ мысль которая досталась ему отъ Даніила, которую преслѣдовалъ онъ во всю свою жизнь и передалъ преемнику. Онъ былъ любимъ народомъ. Одного его слова достаточно было, чтобы подвигнуть Черногорію къ войнѣ или миру, прекратить внутреннія ссоры и кровавую месть. Пользуясь сильнымъ вліяніемъ на народъ, онъ успѣлъ ему внушить мысль о необходимости уничтожить самоуправство и кровавую месть (*) и учредить правильные суды и упра-

(*) Роды считали своею обязанностію мстить другъ другу за каждого убитаго; таковъ обычай во всѣхъ первоначальныхъ обществахъ; въ обществахъ же благоустроенныхъ онъ замѣняется правомъ государственного суда надъ виновными.

влепье внутри Черной горы. Часто созывалъ онъ народныя собранья, постоянньюю цѣлью которыхъ было — составить судебнкъ. Этимъ судебнкомъ кровавая месть была уничтожена и замѣнена денежными пенями; но постоянныя и долгія войны препятствовали ему привести въ исполненіе всѣ предписанья судебнка. Эта честь принадлежитъ его преемнику, теперешнему владыкѣ Черногоріи, Петру второму. Но какъ сильно занимала его эта мысль, можно видѣть изъ того, что въ духовномъ завещаніи онъ проситъ народъ на полгода прекратить кровавую месть, обѣщая имъ, что вновь устроенные суды къ этому времени разберуть всѣ ихъ тяжбы. Когда онъ умеръ (въ 1830 году въ Октябрѣ), народъ, собравшись на его похороны, далъ обѣщанье исполнить его просьбу, и исполнилъ. Между тѣмъ, его преемникъ успѣлъ поставить судей по выбору народа и водворить законный порядокъ и управлениe. Черезъ пять лѣтъ,

во время перестройки Цетинского монастыря, нашли нетлѣннымъ тѣло владыки Петра. Народъ торжественно перенесъ его въ главную церковь, и чтитъ, какъ Святаго, покровителя Черной Горы.

П.

ОТРОКЪ ВЯЧЕСЛАВЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

РУЛЪДЪ — старый воинъ.

Вячко }
БЕРМЯТА } отроки.

Дѣйствіе въ 968 году, въ Кіевѣ, на городской стѣнѣ.

II.

ВЕЧЕРЪ.

РУАЛЬДЪ и БЕРМЯТА.

РУАЛЬДЪ

Ты правъ, Бермята, больно худо намъ:
Бѣть нѣчего, пить нѣчего, и голодъ
И жажда долго и жестоко нась
Томятъ и мучатъ, и, въ добавокъ къ нимъ,
Еще и та невзгода, что Изокъ
Стоитъ у нась необычайно жарокъ,
И тихъ, и сухъ, и душенъ не втерпежь.
Изъ края въ край, небесный сводъ надъ нами
Безвѣтренъ и безоблаченъ, и блещетъ,
Какъ золотой, и солнце такъ и жжетъ
Луга и нивы. Съ ранняго утра
До поздней ночи бродишь, самъ не свой;
И ночью нѣть тебѣ отрады: ночь

Не освѣжитъ тебя, не успокоитъ
 И спать тебѣ не дастъ, вертись и бейся
 Ты хоть до слезъ... такіежъ точно дни,
 Такіяжъ ночи, помню я, бывали
 Въ землѣ Сиканской. Уфъ! какой тамъ жаръ,
 И вспомнишь, такъ едва не задохнешься,—
 Нѣтъ, мнѣ морозъ сноснѣе: отъ него
 Уйдешь къ огню и спрячешься въ одежду,
 Не осовѣешь; еслижъ лѣтній жаръ
 Пройметъ тебя; такъ отъ него и въ воду
 Ты нейдешь: и въ ней прохлады мало,
 И весь ты слабъ и вялъ. Да, худо намъ
 И больно худо.

ВЕРМЯТА.

И рѣку у насъ
 Отрѣзали злодѣи Печенеги.

РУАЛЬДЪ.

Все—ничего, лишь уповай на Бога,
 Да не плошай, да не робѣй и самъ.

ВЕРМЯТА.

Оттерпимся, либо дождемся князя
 Къ себѣ домой изъ дальняго похода.

РУАЛЬДЪ.

Досадно мнѣ, что Прейтичъ за Днѣпромъ
Стоитъ и ждетъ того же. Чтобы ему
Рѣшиться и ударить, всею силой,
На ратный станъ поганыхъ Печенеговъ,
И къ намъ пробитьсяябъ. Что тутъ долго
думать ?
Богъ вѣсть, когда дождемся Святослава ?

БЕРМЯТА.

Поди, ему и не въ домекъ про то,
Какъ мы сидимъ въ осадѣ, еле живы...

РУАЛЬДЪ.

А князь далеко, и не можетъ знать
О нашемъ горѣ.

БЕРМЯТА.

Князю что до насъ;
Онъ Кіева не любить, онъ его
Забылъ совсѣмъ, онъ промѣнялъ свой Кіевъ
На чужеземный городъ, и живетъ
Тамъ весело — и хорошо ему!
Охъ, не люблю я князя Святослава.

РУДЛЬДЪ.

За что это?

БЕРМЯТА.

За то и не люблю,
Что онъ живеть не въ Киевѣ.

РУДЛЬДЪ.

Ты молодъ,
И многаго нельзя тебѣ понять
Своимъ умомъ; а я стариkъ, явижу
Подалѣе, чѣмъ ты, молокосось!
Что Святославъ не нравится тебѣ,
Такъ это, братъ, печаль не велика,
А я его любить не перестану:
Онъ молодецъ!

БЕРМЯТА.

Мнѣ что, что молодецъ!
У насъ ихъ вдоволь: всякой Русь-не трусь!
Ни ты, ни я нигдѣ мы не уронимъ,
Не выдадимъ отцовской славы.... Солнце
Давно за лѣсъ зашло; а намъ на смыну
Никто нейдетъ....

РУАЛЬДЪ.

Знать сходка задержала.

Чья очередь ?

БЕРМЯТА.

Да Вячки.

РУАЛЬДЪ.

Это онъ,

Что приходилъ вчера сюда на стѣну ?
 Онъ мнѣ не полюбился : больно гордъ онъ ,
 Его не тронь,—вишь онъ Новогородецъ ,
 Такъ и спѣсивъ, и съ нимъ не сговоришь ;
 А парень бойкій !

БЕРМЯТА.

Это былъ не Вячко,

А Спиря. Вячко тоже парень бойкій ;
 Его ты вѣрно знаешь : онъ тотъ самый
 Кудрявый, бѣлокурый, быстроглазый,
 Что у Ильи Пророка, въ расписной
 Избѣ, живетъ у тетки. Вячко мнѣ
 Другъ и названный братъ ; онъ родомъ
 Изъ-за Мещеры, изъ села Рязани.

РУАЛЬДЪ.

Такъ, помню, знаю, какъ его не знать?
 Я самъ училъ его стрѣлять изъ лука,
 Метать копьемъ; онъ малый хоть куда,
 Рязанецъ. Я всегда любилъ Рязанцевъ;
 У насъ въ походѣ пятеро ихъ было,
 И живо я ихъ помню и теперь:
 Народъ высокорослый, здоровенный,
 Народъ мачтовый, строевой, люблю ихъ.

БЕРМЯТА.

Вотъ Вячко! ты, братъ, легокъ на поминѣ.
 Здорово.

ВЯЧКО.

Я замѣштался, я былъ
 На сходкѣ. Слушай-ко, Бермята,
 Вѣдь ты мнѣ братъ, такъ сдѣлай мнѣ услугу.

БЕРМЯТА.

Изволь, готовъ и радъ я хоть на смерть
 За своего.

ВЯЧКО.

Останься на сторожѣ

Ты за меня, покуда я опять
Сюда приду; я къ утру ворочусь.

БЕРМЯТА.

Кудажь ты это?

ВЯЧКО.

Вотъ куда! на сходкѣ
Судили и рядили старики
О томъ, что де нельзѧ ли, какъ нибудь,
За Печенежскій станъ, къ Днѣпру, а тамъ
Ужь и за Днѣпръ—и Претичу словцо
Сказать, что намъ давно ужь силы нѣть
Терпѣть бѣду: я вызвался; отецъ
Висаріонъ благословилъ меня
На славный подвигъ.—Я иду—прощай...

БЕРМЯТА.

Ахъ ты мой милый, ахъ ты удалецъ,
Мой ученикъ! Дай мнѣ тебя обнять;
Храни тебя Господь!

(обнимаетъ Вячко.)

БЕРМЯТА.

Иди, мой Вячко!

Смотри же ты....

ВЯЧКО.

Не бойся! я, братъ, знаю,
Что дѣлаю, прощай.

(уходитъ.)

РУАЛЬДЪ. (кричитъ вслѣдъ Вячко)

Прощай, ты встрѣтишь
Фрелафа, такъ скажи ему, что мнѣ
Не надо смѣны. —

БЕРМЯТА.

Что? каковъ мой братъ?

РУАЛЬДЪ.

Надежный парень! и повѣрь ты мнѣ,
Ему удастся.... Всѣ они такие....

БЕРМЯТА.

Добрыня тоже родомъ изъ Рязани.

(помолгѣбъ.)

Ты говорилъ про князя Святослава....

РУАЛЬДЪ.

И говорю, что любъ мнѣ Святославъ,
Онъ молодецъ; онъ со своей дружиной

За панибрата ; ъсть , что мы ъдимъ ,
Пьетъ , что мы пьемъ , спить подъ открытымъ
небомъ ,
Какъ мы ; подъ головой сѣдло , постеля —
Сѣдельпый войлокъ . Вѣтеръ , дождь и снѣгъ
Ему ничто . Ты самъ , я чаю , слышалъ ,
Какъ онъ , — тогда онъ былъ еще моложе , —
Когда ходили наши на Древлянъ , —
Бросался первый въ битву . Ты увидишь :
Въ немъ будетъ прокъ ; онъ будетъ государь
Великій — и прославить свой народъ .
Да , Святославъ совсѣмъ не то , что Игорь ,
Отецъ его , — будь онъ не тѣмъ помянутъ , —
Князь Игорь былъ не добрый человѣкъ :
Былъ непомѣрно падокъ на корысть !
Вѣдь , люди терпять , терпять , — наконецъ
Терпѣніе лопнетъ

ВЕРМЯТА.

Миѣ княгиня Ольга
Тѣмъ по сердцу , что бискупа Лаберта
Изъ Кіева прогнала . . .

РУАЛЬДЪ.

Слава ей ,

Что приняла она Святую вѣру
Отъ Грековъ.—

БЕРМЯТА.

Почему же Святославъ
Не принялъ той же вѣры?

РУДЛЬДЪ.

Онъ бы радъ,
Да какъ ему? Нельзяжь ему перечить
Своей дружинѣ! Праведно и вѣрно
Ему дружина служить; за него
Она въ огонь и въ воду; крѣпко
Стоитъ она за князя, такъ ешбъ онъ
Съ нейссорился.... Бермята, я пойду
На угловую башню; ты останься здѣсь
И сторожи: не спи и не зѣвай.
Давно ужь ночь. Какая ночь, какъ день!

III.

РАЗСВѢТЪ.

Руальдъ и Бермята.

РУАЛЬДЪ.

Прекрасный островъ, дивная земля,
Всѣмъ хороша. Не слушаешь, товарищъ ;
Кажись, тебя осиливаетъ сонъ.

БЕРМЯТА.

Нѣтъ, я не сплю, я слушаю тебя ;
Я никогда не пророню и слова
Изъ твоего разсказа: сладко мнѣ,
Мнѣ весело душой переноситься
Съ тобою въ твои отважные походы :
Въ толпы бойцовъ, въ тревоги боевые ,
Въ разгульный станъ и братскій шумъ и
пиръ,
Въ прохладные, воинскіе ночлеги ;
Въ чужихъ поляхъ, при блескѣ новыхъ звѣздъ.
Летать съ тобою, въ ладьяхъ вѣтрокрылатыхъ,

По скачущимъ, сверкающимъ волнамъ
 Безбрежнаго, лазореваго моря;
 Или, въ виду красивыхъ береговъ
 И городовъ невиданной земли,
 Причаливать—и тутъ же прямо въ бой....
 Я слушаю.—

РУАЛЬДЪ.

Сиканская земля

Всѣмъ хороша: — кругомъ ея шумить
 И блещетъ море , чисто и свѣтло,
 Какъ синій сводъ безоблачнаго неба;
 На ней оливы , лавры , виноградъ ,
 И яблони съ плодами золотыми !
 И города изъ тесаннаго камня
 Обведены высокими стѣнами ,
 Богатые и людные,— и сёла ,
 И сёла , всѣ изъ тесанаго камня ,
 Богатые и краше , крѣпче нашихъ
 Родимыхъ, деревянныхъ городовъ
 И сёлъ.— Однимъ она не хороша:
 Стоитъ на ней, на самой серединѣ ,
 Огромная , престрашная гора ,
 Высокая , высокая , такая ,
 Что верхъ ея до самаго до неба

Досталь, и облака не залетаютъ
 На верхъ ея, и въ той горѣ огонь, —
 И есть жерло, и черный дымъ выходитъ
 Изъ той горы, и съ той горой бываетъ
 Трясеніе — и молнію и жупель
 Она бросаетъ изъ себя; — въ ту пору
 Находитъ страшный мракъ на землю; ужасъ
 И трепеть обнимаетъ человѣка
 И звѣря; — люди вонь изъ городовъ
 И сёль бѣгутъ и, словно какъ шальные,
 Шатаются, и падаютъ, и вопятъ!
 А изъ горы огонь столбомъ встаетъ,
 Горячій пепель сыплется, и камень
 Растопленный течетъ и потопляетъ
 Онъ цѣлые долины и лѣса,
 И города и сёла; вся земля дрожитъ
 И воетъ; и подземный громъ и гуль
 Реветъ; и нѣтъ спасенія человѣку
 Ни звѣрю.... .

БЕРМЯТА.

Какъ же тамъ живутъ?

РУАЛЬДЪ.

Живутъ, себѣ.... .

ВЕРМЯТА.

Не веселожь тамъ жить!

РУАЛЬДЪ.

Не весело тамъ,—ахъ ты голова !
 Вѣдь не всегдажь бываетъ тамъ такое
 Трясеніе. Бѣды, братъ, есть вездѣ,
 И нѣтъ отъ нихъ пощады никакимъ
 Странамъ:—одно отъ всякихъ бѣдъ спасеніе,
 Одно, вездѣ, для всѣхъ людей одно
 Спасеніе: Святая наша вѣра !
 Вотъ и на насъ нашла теперь невзгода ,
 Какъ быть, терпи —

ВЕРМЯТА.

А Вячки нѣтъ, какъ нѣтъ!
 Давно ужь разсвѣтало — гдѣжь онъ?...

РУАЛЬДЪ.

Ты, чай , слыхалъ , какъ на Царь-градъ
 ходили
 Аскольдъ и Диръ ?

ВЕРМЯТА.

Какъ не слыхать ! А что ?..

РУАЛЬДЪ.

Свирѣпая, неслыханная буря
 Разсѣяла и въ морѣ потопила
 Почти что всю ладейную ихъ рать.

ВЕРМЯТА.

И это знаю.

РУАЛЬДЪ.

Отъчегожь та буря
 Взялась ? —

ВЕРМЯТА.

Не знаю, не могу и знать.

РУАЛЬДЪ.

А я такъ знаю! — Вотъ какъ было дѣло :
 Въ то время былъ у Грековъ царь негодный...
 Какъ бишъ его ? Василій ? не Василій...
 Левъ ? нѣтъ не Левъ ! — какой онъ левъ ?

Никифоръ ?

И не Никифоръ, — такъ вотъ и вертится
 На языке ; — а нѣтъ, не вспомню ; — царь
 У Грековъ былъ негодный , и такой

Безпутный и смертельный лошадинникъ,
 И былъ онъ такъ безуменъ, что, бывало,
 Война уже подъ самыя подъ стѣны
 Пришла къ его столицѣ, — а ему
 И горя мало; онъ о томъ и слышать
 Не хочетъ; знай себѣ на скачкѣ: — у него
 Тамъ день деньской потѣха: тьма народу,
 И шумъ, и пыль, и громъ отъ колесницъ—
 Безперестанно...

ВЕРМЯТА.

— Посмотри: бѣжитъ!
 Вѣдь это Вячко! Точно, это онъ,
 Мой другъ и братъ мой...

(Входитъ Вячко.)

ВЯЧКО.

Знай же нашихъ!
 Конецъ бѣдѣ, уходять Печенеги!

РУАЛЬДЪ.

Разсказывай!

ВЕРМЯТА.

Разсказывай скорѣе!

ВЯЧКО.

Я запыхался, я бѣжалъ сюда...
 Что стало силы, — дайте мнѣ вздохнуть...
 Ну, отышался — вотъ и хорошо...
 Вчера я въ руки взялъ узду... и вышелъ
 Изъ города; тихонько я пробрался
 Въ станъ Печенеговъ, и давай по стану
 Ходить; хожу, встрѣчаю Печенеговъ,
 Кричу имъ, ихъ собачьимъ языкомъ:
 Не видѣлъ ли кто моего коня?
 А самъ къ Днѣпру,—и къ берегу, и скоро
 Долой съ себя одежду!— бухъ и поплылъ.
 Злодѣи догадались, побѣжали
 Къ Днѣпру толпами, и кричать, и стрѣлы
 Въ меня пускаютъ. Наши увидали!
 И лодку мнѣ на встрѣчу, я въ нее
 Прыгнулъ, да былъ таковъ! и вышелъ
 Я на берегъ здоровъ и цѣлъ. Господь
 Спасъ и сберегъ меня. Сегодня,
 Какъ только-что забрезжилась зоря
 На небѣ, Претичъ поднялъ станъ свой,
 И трубы затрубили; Печенеги
 Встревожились, встревожился ихъ князь
 И Прейтича встрѣчаетъ; что такое?

«Веду домой передовой отрядъ,
А вслѣдъ за мной, со всей своею ратью
Самъ Святославъ ! » сказалъ нашъ воевода.
Перепугался Печенежскій князь ,
И прочь идетъ отъ Киева со всею
Своей ордой. Чу ! трубы ! это наши !
Идемъ встрѣтить ихъ.

ВЕРМЯТА.

Славно, славно братъ !

РУАЛЬДЪ.

Спасибо, Вячко ! ты спасенье наше,
Счастливый отрокъ, честь родной земли !

Н. Языковъ.

Ноября 27 дня 1844 года.

О
ВЛИЯНИИ НАРУЖНЫХЪ УСЛОВИЙ
на
ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.
СТАТЬЯ II.

III. Линия.

Въ съверныхъ и среднихъ полосахъ, гдѣ въ теченіе года бываютъ двѣ рѣзкія перемѣны въ температурѣ, всѣ животныя перемѣняютъ два раза свой наружный покровъ, охраняющій ихъ отъ дѣйствій природы, особенно холода. Лѣтомъ онъ покрыты легкимъ, болѣе цвѣтнымъ покровомъ; осеню же онъ его

сбрасываютъ, и получаютъ болѣе теплый, одноцвѣтный, бѣлый или сѣрый. Зимой у звѣрей ость (*) шерсти дѣлается болѣе густою и длинною, и при корняхъ ея выростаетъ особый, мягкий, рыхлый и весьма частый волосъ — подшерстокъ, подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ птицъ и звѣрей на зиму показывается пухъ, котораго у нихъ лѣтомъ почти нѣть. Всѣ животныя, на сѣверѣ живущія, имѣютъ подшерстокъ и пухъ въ теченіи цѣлаго года; у многихъ же, имѣющихъ лѣтомъ шерсть яркаго цвѣта, напр. рыжаго, сѣраго, зимой — покровъ сплошнаго бѣлаго цвѣта; таковы

(*) На шкуркѣ животныхъ волосъ бываетъ одинъ короче и чаще, другой длиннѣе и рѣже; первый называется подшерсткомъ, а второй остью, которая обыкновенно отличается и самымъ цвѣтомъ; она особенно замѣтна на животныхъ водяныхъ какъ напр. на бобрѣ, выдрѣ и пр. и чѣмъ ость на шкуркахъ этихъ животныхъ чаще и длиннѣе, тѣмъ шкурка дороже.

песцы, горностаи, бѣлки, зайцы, съверные олени.

Для промышленниковъ, собирающихъ шкурки звѣрей и птицъ на пушной товарѣ или мягкую ружладь, особенно важно знать время этого линянія. Звѣроловы (также и птицеловы, ибо птичьи шкурки употребляются тоже иногда на мѣха) ловятъ звѣрей, шкурками которыхъ мы охраняемъ себя отъ холода, постоянно зимою, когда животныя получили уже свой теплый покровъ, цѣнімый гораздо дороже лѣтняго. Соболи, куницы, медвѣди, горностаи, зайцы, бѣлки ловятся или избиваются зимою; послѣдніе три звѣря также и потому, что зимняя шкурка ихъ бѣлаго или сѣроватаго цвета, только и идетъ въ торговлю; а лѣтняя, рыжеватаго, во все не употребляется. Изъ этого правила исключается только песецъ, у котораго лѣтній покровъ, сѣровато-голубаго цвета, особенно высоко цѣнится, а зимній — бѣлаго, весьма низко.

Отсюда уже видно, что охота на пушнаго звѣря должна производиться исключительно въ странахъ холодныхъ: съверной полосѣ Европы, Азіи и Америки. Есть только одинъ собственно пушной звѣрь, живущій въ жаркой полосѣ, — это хинхила, но его мѣхъ зато вовсе не тепель, а только красивъ.

IV. Перерождение.

Животное, перемѣщенное изъ физическихъ условій, въ которыхъ оно родилось, и перенесенное въ другія, перерождается, и перерождается тѣмъ значительнѣе, чѣмъ рѣзче перемѣна; а потому всѣ животныя, перенесенные изъ дикаго состоянія въ домашній бытъ человѣка, уже не похожи во многомъ на дикихъ животныхъ, отъ которыхъ произшли — на родичей или родоначальниковъ своихъ.

Вообще нѣтъ ни одного животнаго, живущаго около человѣка, которое въ

дикомъ состояніи встрѣчалось бы съ тѣми же самыми признаками; многія домашнія животныя совершенно неизвѣстны нынѣ въ дикомъ состояніи; о родичахъ многихъ изъ нихъ можно судить только гадательно. Такъ верблюдъ извѣстенъ нынѣ только въ домашнемъ быту; о родоначальникахъ домашней собаки, кошки, козы, овцы и др. не знаютъ ничего положительнаго. Впрочемъ, въ такомъ перерожденіи нѣтъ ничего непонятнаго: а одно всемогущее вліяніе человѣка на животныхъ очевидно. Представимъ себѣ, что помѣщикъ подарилъ крестьянину жеребенка хорошей породы; у бѣднаго крестьянина жеребенокъ этотъ простоитъ зиму въ холода, на тощей соломѣ; въ Ѣзду употребятъ его рано; словомъ, во время развитія своего, когда животное всего болѣе нуждается въ хорошемъ уходѣ, оно будетъ терпѣть всевозможныя лишенія, и потому естественно, когда выростетъ,

не будетъ ни столь велико, ни столь красиво, ни столь долголѣтно, какъ тѣ лошади, отъ которыхъ родился, и которыя содержатся въ довольствѣ на конюшнѣ у помѣщика. Если же вспомнимъ, что крестьянская лошадь передастъ эти признаки своему потомству, которое, быть можетъ, снова будетъ содержаться совершенно въ иныхъ условіяхъ, то и поймемъ, что, съ теченіемъ многихъ лѣтъ, поколѣніе одной и той же лошади представить совершенно другъ на друга непохожихъ особей. Вотъ причина, почему одно и то же домашнее животное при перемѣнѣ мѣстонахожденія своего измѣняетъ и свои признаки. Тирольскія и Швейцарскія коровы отличны отъ Голандскихъ, а Голандскія отличны отъ всѣхъ прочихъ. Петръ Великій перевезъ много Голандскихъ коровъ въ Холмогорскій уѣздъ Архангельской губерніи, гдѣ онъ однако же скоро переродились, удалились отъ своихъ матерей, и сдѣла-

лись въ Россіи известными подъ названіемъ холмогорскихъ; въ послѣдствіи порода ихъ постоянно ухудчалась, и оказалась надобность для поддержанія ея выписать вторично Голандскую породу. Тонкошерстныя или тонкорунныя овцы (*), известныя въ южной части западной Европы подъ именемъ мериносовъ, произошли, вѣроятно, отъ тонкорунныхъ овецъ южной Азіи; нѣкогда ими особенно славилась Испанія, потомъ они размножились во всей южной Европѣ, а нынѣ въ большомъ количествѣ разводятся въ Приволжскихъ и Остзейскихъ губерніяхъ, и въ степяхъ южной Россіи, которая не только не выписываетъ болѣе непряденой шерсти изъ западной Европы, а напротивъ сама отправляетъ туда большиe запасы шерсти улучшенныхъ овецъ. Нѣкогда Европа

(*) Шерсть дорогихъ улучшенныхъ овецъ называютъ также *руномъ*.

получала козій пухъ, для приготовленія дорогихъ шерстяныхъ матерій, съ Ангорскихъ и Тибетскихъ козъ, изъ южной Азіи, а нынѣ на Оренбургской линіи разводятъ подобныхъ животныхъ, и собираемый съ нихъ пухъ (или, правильнѣе, подшерстокъ) отправляютъ за границу.—Въ южной Россіи и, какъ слышно, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ разводятъ также породу кроликовъ, называемыхъ *Ангорскими*, и доставляющіхъ также весьма нѣжный, мягкий пухъ.—Но самый разительный примѣръ измѣненія животнаго подъ вліяніемъ человѣка есть собака, которая слѣдуетъ за нимъ повсюду, а потому и представляеть безконечныя различія наружныхъ признаковъ, образа жизни, инстинкта. Отъ большой и сильной меделянской, идущей смѣло на большаго звѣря, до изнѣженной болонки и моськи; отъ голой Африканской породы до овчарки и пуделя, утопающихъ въ шерсти; отъ

легкой борзой, носящейся стрѣлой по землѣ, до Ньюфундландской, избравшей воду любимою своей стихіей—всѣ онъ произошли, по всему вѣроятію, отъ одного родича, ибо всѣ мѣшаются между собою, всѣ переходятъ другъ въ друга.

Человѣку, слѣдовательно, дана возможность выбирать изъ среды дикихъ животныхъ такихъ, которыми онъ, окружая себя, можетъ удовлетворять своимъ разнообразнымъ мѣстнымъ нуждамъ и прихотямъ. Человѣкъ издавна началъ важное дѣло поработенія животныхъ, но не надъ всѣми успѣлъ одинаково: однѣ поработились ему совершенно, такъ что могутъ размножаться въ его домашнемъ быту, какъ напр. корова, овца, собаки, куры, утки и пр.; другія не размножаются подъ властію человѣка: таковы, попугай, слонъ, обезьяна, а потому, послѣ смерти такой поработенной особи, человѣкъ долженъ поработить вновь другую изъ дикаго состоянія. Первые жи-

вотныя, принадлежащія человѣку въсѣмъ своимъ родомъ, называются *домашними* (или собственно *порабощенными*); вторыхъ, принадлежащихъ человѣку только своею особью, называются *ручными животными*. Изъ предшествующаго легко видно, что домашнія животныя гораздо болѣе измѣнились въ признакахъ своихъ, нежели ручныя, на которыхъ влияніе человѣка слабо; потому-то первыя, говоря строго, суть уже животныя *искусственные*, не первобытныя.

Не всегда человѣкъ переносилъ въ домашній бытъ свой животныхъ, наиболѣе полезныхъ для него: часто выборъ его руководилъ случай. Не всегда также человѣкъ порабощалъ тѣхъ изъ нихъ, со стороны которыхъ встрѣчалъ наименѣе сопротивленія. Напротивъ, есть нѣсколько весьма полезныхъ животныхъ, которыхъ совершенно готовы ему поработиться, и на которыхъ

онъ не обратилъ доселъ должнаго вниманія. Къ такимъ особенно принадлежитъ большой Новоголандскій кенгуру, легко разводимый во всѣхъ частяхъ южной и средней Европы, и могущій доставить человѣку вкусное мясо и теплый мяхъ. Къ животнымъ, которыхъ, конечно, человѣкъ долженъ бы стараться поработить, безспорно принадлежать также сѣрыя и бѣлыя куропатки, большія и малыя тетерева, служащія ему любимою и здоровою пищею; и не подлежитъ сомнѣнію, что поработить ихъ было бы гораздо легче, нежели домашнихъ гусей, лебедей, утокъ и вообще водяныхъ птицъ, оставляющихъ въ дикомъ состояніи насъ на зиму, и следовательно, терпящіихъ, въ это время года, въ домашнемъ быту значительныя лишения, въ сравненіи съ первобытнымъ ихъ образомъ жизни.

Для того, чтобы животное могло сблизиться съ человѣкомъ, требуется,

чтобъ оно и въ дикомъ состояніи любило сближаться съ другими животными: словомъ, для этого необходимъ въ животномъ инстинктъ товарищества. Всѣ домашнія животныя, живущія близъ человѣка, жили, и до порабощенія своего, въ товариществѣ или обществомъ; представляетъ изключеніе одна кошка, но она потому-то и привыкаетъ болѣе къ дому, нежели къ своему хозяину. Отсюда же оказывается весьма естественнымъ, что большая часть домашнихъ животныхъ травоядныя: ибо только тѣ, которые питаются травою, легко повсюду находимою, могутъ жить въ товариществѣ, т. е. стадами; плотоядные же или хищные звѣри, которые должны большею частію доставать себѣ пищу съ бою, обыкновенно живутъ одиноко и, овладѣвъ какою-либо мѣстностію, изгоняютъ изъ нея всѣхъ себѣ подобныхъ.—

Въ каждомъ товариществѣ или стадѣ животныхъ есть самецъ или другая

особь, которой подчиняются прочія особи, и животное, переходя въ домашній бытъ человѣка, мѣняетъ только своего предводителя: прежде оно слѣдовало другому сильнѣйшему животному, теперь оно покоряется человѣку, и потому, чѣмъ тѣснѣе было товарищество дикихъ животныхъ, тѣмъ легче онъ покоряются и человѣку. — Съ другой же стороны, для того, чтобы животное перемѣнило своего обычнаго вождя на новаго, необходимо, чтобы послѣдній умѣлъ пріобрѣсти довѣріе животнаго. — Потому-то человѣкъ, когда онъ порабощаетъ животное, принужденъ употреблять не открытую силу, не насилие, а напротивъ старается списать довѣріе животнаго; оттого же животныя, не столько смысленыя, не могущія оцѣнить старій и услуги человѣка, не могутъ и быть имъ перенесены въ домашній бытъ; таковы напр. многія насѣкомыя и пр.

Вѣрнѣйшее и почти единственное сред-

ство снискать довѣренность животнаго безспорно состоитъ въ удовлетвореніи первымъ нуждамъ его, голоду и жаждѣ, и потому человѣкъ, приступая къ пора-бощенію животнаго, начинаетъ съ того, что томить его голодомъ и жаждою, чтобы оно сильнѣе чувствовало буду-щую услугу, потомъ кормить и поить его. Иногда, чтобы ослабить сопротив-леніе сильнаго дикаго животнаго, человѣкъ лишаетъ его покойнаго положенія, сна и пр. Животное, не понимая, что человѣкъ причиною его мученій, чувству-етъ только то, что онъ смягчаетъ ихъ, и, по прошествіи извѣстнаго времеин, привыкаетъ къ человѣку, и съ нимъ сближается.—Чтобы укрѣпить эту начи-нающуся связь, человѣкъ возбуждаетъ въ животномъ такія желанія, которыми онъ только одинъ можетъ удовлетво-рить: онъ пріучаетъ животное къ хлѣбу, сахару, меду, вину и друг. Наконецъ, ко-гда сдѣланъ главный шагъ къ пора-боще-

нию, когда поселена въ животномъ довѣренность къ человѣку, тогда уже онъ можетъ употреблять и открытую силу, которой животное уже слабо сопротивляется.

Къ числу замѣчательныхъ ручныхъ животныхъ въ Россіи относятся между прочимъ и медвѣдь, пляскою и смыщенностью котораго нерѣдко тѣшится у насъ досужій народъ; ученіе медвѣдей прежде составляло даже большую промышленность крестьянъ лѣсистыхъ губерній, особенно же примыкающихъ къ Уралу, и юго-западныхъ. Въ Виленской губерніи есть мѣстечко Сморгонь, гдѣ этимъ промысломъ занимались въ большемъ, нежели гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, видѣ, и заведенію, здѣсь существовавшему, придавали въ шутку название медвѣжьей академіи. Это была крестьянская хата съ каменнымъ поломъ, подъ которымъ находилась Русская печь. Въ хату впускали молодаго ручнаго мед-

вѣдя и нагрѣвали полъ, отчего животное, чтобы менѣе страдать отъ него, становилось на заднія лапы; въ послѣдствіи нагрѣвали полъ сильнѣе, и медвѣдь по необходимости уже припрыгивалъ. Во время продолжающагося ученія, коза производила извѣстный стукъ, а по окончаніи его, кормили медвѣдя, или лакомили его хлѣбомъ, медомъ и виномъ. Наконецъ, приходило время, когда не нужно было нагрѣвать пола, потому что медвѣдь, услыша стукъ козы, начинай плясать, въ ожиданіи послѣдующаго за тѣмъ кормленія; потому-то вожатые, которые водятъ ученыхъ медвѣдей, послѣ каждой пляски его требуютъ ему отъ зрителей награды.

Но нѣкогда славилось другое ручное животное, гораздо болѣе замѣчательное, это *кречетъ* (*); его употребляли въ соколиной охотѣ, составлявшей люби-

(*) *Falco gyrifalco*.

мую потѣху многихъ верховныхъ лицъ Россіи и Европы. Эта забава состояла въ томъ, что пріученныхъ къ тому соколовъ *сажали*, т. е. пускали на дикихъ птицъ, иногда даже на утокъ и гусей, которыхъ они били на лету. Для нея употребляли разныя породы соколовъ, но преимущественно цѣнили кречетовъ, особенную породу ихъ, известную своимъ быстрымъ полетомъ и вѣрнымъ нападеніемъ на птицъ. Кречетовъ ловили въ съверной Россіи, особенно близь Пегоры, и пріучали ихъ къ охотѣ, или *выхаживали кречетники*. Дикаго кречета сажали связаннаго въ большое кольцо, привѣщенное къ потолку комнаты, и не позволяли ему спать, приводя кольцо въ движение; послѣ долгаго насильственнаго бдѣнія, кречеть ослабѣвалъ, и тогда дозволялъ кречетнику, кормившему его, приближаться къ нему. Въ послѣдствіи ручную птицу пріучали къ охотѣ, что составляло

труднѣйшую часть обученія. Ученыхъ кречетовъ, особенно нестрыхъ и бѣлыхъ, (выродковъ) цѣнили чрезвычайно высоко: ихъ Русскіе князья и цари посылали въ даръ иностраннѣмъ королямъ. Кажется, никогда соколиная охота не процвѣтала въ такой степени, какъ при царь Алексѣѣ Михайловичѣ, особенно любившемъ ее. Онъ даже написалъ особый сокольничій уставъ (*), въ которомъ подробно описана сложная церемонія, сопровождавшая выѣздъ на соколиную охоту; при этомъ царь полуѣчили значительныя милости сокольничіи, сажавши кречетовъ во время царской охоты.

Въ Москвѣ, представляющей столько памятниковъ, свидѣтельствующихъ о прошлой жизни и судьбѣ Россіи, есть и такие, которые имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ соколиной охотѣ, нѣкогда производившейся на поляхъ и

(*) Урядъ сокольничаго пути.

близь опушекъ лѣсовъ, окружавшихъ столицу. Село *Сокольники*, съ частью принадлежащей къ нему рощи, отъ того получило и свое название, что въ немъ былъ *соколиный дворъ*, гдѣ держали и выхаживали *соколовъ*, уничтоженный очень недавно. Нынѣшняя красивая *Садовая улица*, окаймленная съ обѣихъ сторонъ садами, получила свое название не отъ садовъ, разведенныхъ въ новѣйшее время: на мѣстѣ ея по валу разстился мелкій кустарникъ, далѣе открывалось чистое поле,— а потому здѣсь часто *сажали* *соколовъ* и *кречетовъ*. Въ *Новинской* части есть переулокъ, названный *Кречетниковскимъ*, и приходъ—*Никола въ Кречетникахъ*. Въ селѣ *Коломенскомъ*, снаружи паперти приходской церкви, до селѣ сохранились кресла, съ изображеніемъ на спинѣ всадника, несущаго на руки кречета: на нихъ отдыхалъ царь Алексѣй Михайловичъ и потѣшался со *колиною охотою*, которую производили

его сокольничы на обширной полянѣ, разкрывающейся передъ храмомъ.

Въ наше время эта забава совершенно забыта въ Европѣ и сохранилась только у нѣкоторыхъ племенъ кочующихъ въ степяхъ приуральскихъ.

У. Вырожденіе.

Наконецъ, если непріязненное вліяніе наружныхъ условій на животныхъ, не могущихъ измѣнить мѣстопребыванія своего, столь сильно, что животные не могутъ долѣе продолжать существованія своего, они вымираютъ, вырождаются; это вырожденіе совершается или на памяти человѣка, или оно совершилось прежде появленія его на землѣ. Поговоримъ сначала о первыхъ.

На островѣ Св. Маврикія найдены части скелета птицы дидо (*), близкой къ домашнему индійскому пѣтуху, но имѣвшей закривленные когти хищной

(*) *Dido ineptus.*

птицы , неизвѣстной болѣе въ живомъ видѣ ; въ теченіи нынѣшняго года опи- сана , по оставшимся костямъ , также громадная птица (*), имѣвшая ближай- шее сходство съ страусомъ; обѣ обѣихъ говорятъ мѣстные жители, что онъ жи- ли еще въ недавнее время. Ученый путешественникъ Стеллеръ, первый опи- савшій Камчатку , видѣлъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Охотскомъ морѣ огромное животное (**), похожее на китовъ и тюленей, поразившее его своими скорыми забавными движеніями , напо- минавшими извертливую обезьяну ; но всѣ путешественники, посѣщавшіе то же море, никогда его не видали, не смотря на всѣ ихъ поиски и старанія.

Нѣкоторыя животныя хотя и не выро- дились еще совершенно, однако же умень- шаются весьма замѣтно въ количествѣ. Съ

(*) *Dinornis Novae-Hollandiae.*

(**) *Rythina Stelleri.*

увеличеніемъ народонаселенія въ Европѣ и съ уменьшеніемъ, въ слѣдствіе того, лѣсовъ, многія лѣсныя животныя почти совершенно исчезли. Въ Англіи нѣтъ волковъ; въ Европѣ весьма рѣдкими сдѣлались лось, бобръ, бурый медвѣдь, филинъ и друг. Нѣкогда въ Сибири почти цѣны не знали пушнымъ звѣрямъ, которыми издревле Россія вела огромный и весьма выгодный торгъ съ Византіею и Ганзейскими городами, и потому всякий былъ пушнаго звѣря сколько и когда ему угодно; но въ наше время правительство, убѣдившись въ пріятномъ уменьшеніи сихъ животныхъ, нашлось вынужденнымъ постановить для звѣролововъ известныя правила, дозволяющія имъ ходить на ловъ звѣрей только въ опредѣленное время, когда звѣрь уже размножился и значительно подросъ. Подобное правило, и по одинаковой причинѣ, постановлено и относительно дичи, водящейся въ Европей-

ской Россіи. Нѣкогда во многихъ густыхъ лѣсахъ Европы и Россіи водилось красивѣйшее животное изъ породы быковъ, *зубрѣ*, который нынѣ известенъ только въ Бѣловѣжской пушѣ Гродненской губерніи, и, какъ догадываются, на съверномъ склонѣ Эльборуса, на Кавказѣ; но и тутъ онъ весьма замѣтно вымираетъ, несмотря на то, что онъ находится подъ бдительнымъ попеченіемъ правительства; что его снабжаютъ круглый годъ пищею въ достаточномъ количествѣ, и что строго воспрещено охотиться за нимъ. До нашествія Французовъ на Россію, считали приблизительно 1000 зубровъ; нынѣ считаются не болѣе 700 головъ.

Въ подмосковныхъ селахъ Измайлово и Ростокинъ старожилы указываютъ доселъ на большія луговины, гдѣ производили, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бобровые гоны; разныя части Сокольничей рощи и понынѣ сохранили

название лосинного погонного острова , оленьей рощи ; кости этихъ животныхъ находятъ и въ наше время разсѣянными въ разныхъ уѣздахъ нашей губерніи . Все это свидѣтельствуетъ несомнѣнно о присутствіи нѣкогда въ Московской губерніи такихъ животныхъ , о которыхъ нынѣ говорятъ какъ о животныхъ , живущихъ въ значительномъ разстояніи отъ столицы .

Животныя , встрѣчаемыя въ наше время подъ Москвою , водились у насъ также прежде , но гораздо въ болѣшемъ количествѣ . Нынѣ даже медвѣдь попадается не ближе , какъ въ верстахъ тридцати отъ Москвы , и то въ двухъ или трехъ уѣздахъ , въ которыхъ сохранились еще лѣса . Всѣ подмосковные охотники жалуются на весьма быстрое уменьшеніе лѣсной и полевой дичи . По свидѣтельству историковъ , во время царствованія Алексія Михайловича , пѣвчія пташки разнаго рода были

подъ Москвою такъ же обыкновенны и водились въ такомъ же множествѣ, какъ комары, которые въ свою очередь значительно убавились вмѣстѣ съ изсушениемъ болотъ и стоячихъ водъ.

Не трудно найти главную причину быстраго уменьшениа животныхъ подъ Москвою. Гдѣ разъ поселился человѣкъ, тамъ онъ, для удовлетворенія разныхъ потребностей и прихотей своихъ, вырубаетъ лѣса, высушаетъ болота, заваливаетъ пруды и источники, и тѣмъ самымъ отнимаетъ у разныхъ лѣсныхъ и водяныхъ животныхъ какъ возможность укрываться, такъ и возможность находить себѣ достаточную пищу. Съ другой же стороны, съ уменьшениемъ лѣсовъ и водъ, климатъ становится болѣе теплымъ и сухимъ, и открывается дѣйствію вѣтровъ. Измѣненіе же климата, дѣйствуя непріятно на животныхъ, изгоняетъ ихъ изъ занимаемой ими страны. Москва и ея окрестности, въ ко-

торыхъ такъ быстро наростаетъ народа населеніе въ послѣдніе десятки лѣтъ, необходимо претерпѣваетъ и чувствительную перемѣну въ климатическихъ условіяхъ.

VII. Наконецъ, есть животныя, которыхъ нынѣ совершенно исчезли на нашей землѣ. Они жили на ней до появленія всѣхъ нынѣшнихъ животныхъ, окружающихъ человѣка, и известны только по разнымъ остаткамъ, находимымъ въ слояхъ земного шара. Это животныя *предковъ*, называемыя иногда *ископаемыми*, и совершенно неправильно-*допотопными*.

Если разрѣзать мысленно землю, отъ поверхности по направленію къ центру, на столько, на сколько человѣкъ знаетъ составъ наружной коры ея (*),

(*) Этотъ составъ изслѣдовали при рудокопныхъ работахъ, при рытіи артезіанскихъ колодцевъ, въ естественныхъ обнаженіяхъ на горахъ, обрывахъ большихъ рѣкъ и пр.

то нась невольно поразятъ два явленія. Во-первыхъ, слои, ближайшіе къ центру землї, то-есть болѣе глубоко лежащіе, не содержатъ въ себѣ, по наблюденіямъ, произведеннымъ на различныхъ точкахъ земли и въ различныхъ частяхъ свѣта, ни малѣйшаго слѣда остатковъ растеній или животныхъ. Во-вторыхъ, въ толщахъ земли, лежащихъ между упомянутыми древнѣйшими слоями и самымъ наружнымъ пахатнымъ слоемъ, въ которыхъ укореняются почти всѣ нынѣ живущія растенія, встрѣчаются различные остатки растеній и животныхъ, отличныхъ отъ нынѣшихъ; причемъ остатки сихъ послѣднихъ и самого человѣка никогда не были найдены вмѣстѣ съ первыми (т. е. первозданными), въ подпахатныхъ слояхъ; — и на оборотъ, первозданныя животныя никогда не были находимы въ слояхъ пахатныхъ; никогда не находили въ одномъ и томъ же слоѣ

первозданныхъ животныхъ вмѣстѣ съ остатками нынѣ живущихъ и самаго человѣка.

Изъ сихъ наблюденій, произведенныхъ со всевозможною точностію, необходимо слѣдуетъ заключить, что въ существованіи нашей планеты было время, когда на ней не было ни одного растенія и животнаго, ни самаго человѣка. Въ этотъ періодъ образовались глубочайшіе и слѣдовательно древнѣйшіе слои земли, лишенные, совершенно остатковъ живыхъ существъ. Потомъ явились на землѣ многія первозданныя растенія и животныя, отличныя отъ нынѣшихъ, и въ это же время образовались или осѣли верхніе слои; наконецъ, по вымираніи первозданныхъ существъ, показались нынѣшнія растенія и животныя, а вмѣстѣ съ ними встрѣчаются остатки и рода человѣческаго.

Замѣтимъ также, что животныя первозданныя размѣщены въ толщахъ

земли не случайно, не беспорядочно, напротивъ, каждому слою земли принадлежать исключительно ему свойственные животныя и растенія, а въ общемъ размѣщеніи ихъ замѣчается строгая послѣдовательность. Въ слояхъ древнѣйшихъ, то-есть глубочайшихъ, встрѣчаются животныя морскія; потомъ, въ слояхъ болѣе поверхностныхъ — прибрежныя, далѣе — рѣчныя и наконецъ — животныя, на суши жившія — сперва находить рыбы, ящерицы, полипы, раковины и т. д., жившихъ въ открытомъ морѣ, потомъ — рыбы и раковины рѣчныя, и, приближаясь къ поверхности земли, встрѣчаютъ животныхъ четвероногихъ и человѣка. Отсюда заключаемъ, что было время, когда земля отовсюду была покрыта моремъ и только медленно обсыхала, отчего постепенно образовались острова, рѣки и самая сушь. Другое, весьма важное обстоятельство въ распределеніи первозданныхъ живот-

ныхъ по земнымъ толщамъ, есть то, что въ древнѣйшихъ слояхъ находятся такія, которыя подходятъ всего болѣе къ животнымъ тропическихъ странъ нашего времени; приближаясь же къ поверхности, встрѣчаются болѣе животныхъ, близкихъ къ живущимъ нынѣ въ умѣренной полосѣ. Въ этомъ отношеніи встрѣчаемъ то же измѣненіе въ формахъ животныхъ, какое замѣчаетъ путешественникъ, ѿдущій отъ экватора къ полюсамъ. Если искать въ нынѣшнихъ животныхъ ближайшую форму къ животному ископаемому, взятыму изъ глубокаго слоя подъ Москвою, напр. изъ известіи, которую ломаютъ въ Мячковѣ (*), то мы найдемъ, что наибольшее сходство представлять животные Тихаго океана и Чернаго моря. Животныя же, взятыя изъ ближайшаго къ земной поверхности слоя, напр. изъ известіи, лежащей на рѣкѣ Можжинкѣ,

(*) Село по Бронницкой дорогѣ, верстахъ въ 25 отъ столицы.

подъ Звенигородомъ, имъютъ чрезвычайное сходство съ тѣми, которыя и нынѣ живутъ во всей средней Европѣ и около самой Москвы. Изъ сихъ наблюдений заключаютъ, что нѣкогда по землѣ была разлита гораздо высшая температура, нежели нынѣ; что планета наша, постепенно охлаждаясь, наконецъ вступила въ нынѣшнія условія температуры и климата. Съ другой стороны, не подвержено сомнѣнію, что, въ центрѣ планеты нашей, температура гораздо выше, нежели на поверхности ея; вещества, въ центрѣ ея лежащія, находятся, можетъ быть, въ текучемъ состояніи или покрайней мѣрѣ въ разкаленіи. Только этимъ предположеніемъ можно пояснить себѣ изверженіе пламени и разкаляемыхъ текучихъ веществъ огнедышущими горами, истеканіе горячихъ источниковъ изъ недръ земли, и пр.

Наконецъ, замѣтимъ еще третіе, очень важное явленіе. Въ низшихъ, или глу-

бочайшихъ слояхъ земныхъ не находять никакого различія въ животныхъ и растеніяхъ по частямъ свѣта или по географическому положенію мѣстности: и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и въ Азіи находятъ однѣхъ и тѣхъ же животныхъ въ одинаково глубокихъ слояхъ, что указываетъ ясно на то обстоятельство, что при жизни этихъ животныхъ не было различія въ климатахъ на землѣ, а напротивъ, одинаковыя физическая и климатическая условія распределены были по всему земному шару. Различіе же въ климатахъ начало устанавливаться только во время жизни животныхъ и растеній верхнихъ слоевъ: только въ болѣе поверхностныхъ толщахъ замѣчается иѣкоторое отличіе въ животныхъ и растеніяхъ, соответственно географическому и физическому положенію страны, подобное тому, какое находять въ размѣщеніи въ настоящее время животныхъ по землѣ соответственно различію климатовъ.

Сказанное здѣсь, относительно перво-
зданныхъ животныхъ вообще , частію
подтверждается и на ископаемыхъ жи-
вотныхъ, находимыхъ въ большомъ ко-
личествѣ въ Московской и съсѣднихъ
съ нею губерніяхъ. За отсутствіемъ ру-
докопныхъ работъ и по мелкости рѣкъ, въ
нашѣй губерніи нѣтъ значительныхъ об-
наженій, большихъ разрѣзовъ коры зем-
ной, и потому мы можемъ только гада-
тельно судить о глубочайшихъ слояхъ
земныхъ, лежащихъ подъ Москвою. Са-
мый глубокій слой , обнаженный близъ
столицы, есть известковая толща , ко-
торая обнаружена на берегу Москвы
рѣки подъ селомъ Мячковымъ , и кото-
рая доставляетъ весь *бѣлый камень* ,
всю *известъ и бутъ*, употребляемый въ
нашѣй столицѣ при постройкахъ и мо-
щенніи тротуаровъ. Въ этой извести на-
ходятся въ большомъ количествѣ рако-
вины и полипики , которымъ подобные
не находятся во всей Европѣ. Ближай-

шія къ нимъ нынѣшнія существа живутъ въ странахъ тропическихъ, въ Тихомъ океанѣ и Красномъ морѣ. Въ *черной же почвѣ*, которая такъ часто видна на берегу Москвы рѣки (на Воробьевыхъ горахъ, подъ Шелепихою и особенно подъ селомъ Хорошовымъ) и лежитъ на указанномъ выше известковомъ слоѣ (что можно видѣть подъ Драгомиловскимъ кладбищемъ на берегу Москвы рѣки, и подъ селомъ Повшиномъ, близь Архангельска, также подъ самимъ Мячковымъ,) попадаются уже животныя умѣренныхъ странъ и притомъ часто прибрежныя. Подобныя имъ существа живутъ и въ наше время по берегамъ Средиземнаго и Атлантическаго морей. Наконецъ, въ сѣровато-желтоватой глини, подъ Троицкимъ селомъ, противъ Щукиной деревни, встрѣчаются почти тѣ же ископаемыя рѣчныя рыбы, которыя и въ наше время живутъ въ нашихъ водахъ. Наконецъ, въ разсыпчатомъ

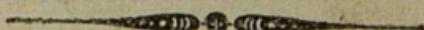
пескѣ, покрывающемъ почти всю поверхность нашей губерніи, находять ископаемыхъ слоновъ, мамонтовъ, носороговъ, лошадей и вообще животныхъ, на суши живущихъ. Въ извести, лежащей подъ самымъ пахатнымъ слоемъ, на рѣкахъ Можжинкѣ и Жерновкѣ, при самомъ ихъ впаденіи въ Москву рѣку, подъ Звенигородомъ, находятся, въ чрезвычайномъ количествѣ, тѣ же раковины, которыя въ наше время еще водятся во всей средней Россіи и Европѣ, и въ самой Московской Губерніи.

Мы весьма мало знаемъ положительного о причинахъ, которыя истребили первозданныхъ животныхъ. Вѣроятнѣе всего, что онѣ подлежали одной участи съ животными, на памяти человека выраждающимися, то-есть, что и тѣ и другія вымерли вслѣдствіе изменения климата или вообще наружныхъ физическихъ условій. Но не подвержено сомнѣнію, что не общий потопъ

истребилъ ископаемыхъ животныхъ; противъ такого мнѣнія говорить Священное писаніе, передавшее намъ, что отъ всѣхъ допотопныхъ животныхъ сохранилось по парѣ; то же подтверждаютъ и свидѣтельства науки. Ископаемыя животныя погибли не отъ общаго потопа уже и потому, что до него обитали на землѣ и нынѣшнія животныя, и самый человѣкъ, а между тѣмъ мы ихъ никогда не находимъ вмѣстѣ съ ископаемыми существами. Вотъ почему название животныхъ допотопныхъ (*animaux antidiluviens*) не прилично для первозданныхъ животныхъ.

Впрочемъ, объ этомъ любопытномъ предметѣ мы поговоримъ когда-нибудь въ особой статьѣ.

Профессоръ К. Рулье.

ОУКИДІДЪ.

Оукидидъ, знаменитый Греческій историкъ, современникъ Перикла, родился въ Аѳинахъ, за 471 годъ до Р. Х., или за сорокъ лѣтъ до начала Пелопонесской войны. Онъ былъ сынъ Олора, потомка славнаго Мильтиада, и Гегезиппы, дочери Оракійскаго царя Олора.

Объ его воспитаніи почти ничего неизвѣстно. Учителемъ его въ краснорѣчіи былъ ораторъ Антифонъ, а въ философіи и политикѣ — вѣроятно философъ Анаксагоръ. Безсмертное твореніе

Фукидіда свидѣтельствуетъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ совершившемся тогда значительномъ развитіи философіи, политики и съ ними въ то время нераздѣльного краснорѣчія. Сомнителенъ разсказъ, будто бы онъ, на 15 году своего возраста, слушая Геродота на Олімпійскихъ играхъ, какъ тотъ читалъ свою исторію, плакалъ отъ восторга и тогда уже рѣшился идти по его слѣдамъ, т. е. сдѣлаться историкомъ: обѣ этомъ не упоминаетъ ни одинъ изъ древнихъ писателей.

На прочія обстоятельства жизни Фукидіда дошли до насъ самыя скучныя указанія. Въ осьмой годъ Пелопонезской войны (въ 423 году до Р. Х.), онъ былъ изгнанъ своими согражданами изъ отечества за то, что, предводительствуя небольшою Аѳинскою эскадрою въ Эгейскомъ морѣ, хотя и спасъ городъ Эліонъ, но не могъ взять Амфиполиса, занятаго Спартанцами. Двадцать лѣтъ

провелъ онъ въ изгнаніи, проживая большею частію во Фракійскомъ горо-дѣ Скапте — Гиле; тамъ владѣлъ онъ значительными золотыми рудниками, доставшимися ему по наслѣдству отъ жены. По окончаніи Пелопонезской войны, дозволено ему было возвратиться въ Аѳину. Одно преданіе говоритъ, что онъ умеръ насильственnoю смертію, прежде нежели успѣлъ возвратиться въ Аѳину. Какъ бы то ни было, онъ не успѣлъ окончить своего сочиненія. Послѣдніе шесть лѣтъ Пелопонезской войны, продолжавшейся всего 27 лѣтъ, описаны не Фукидидомъ, а его продолжателемъ — Ксенофонтомъ.

Въ самомъ началѣ своей исторіи Пелопонезской войны, Фукидидъ говоритъ, что мысль, описать ее, возбуждена была ея особенною важностію; что онъ началъ свое сочиненіе тотчасъ послѣ того, какъ возгорѣлась война, предвидя, что она будетъ достопамятнѣе изъ всѣхъ

войнъ, веденныхъ Греками ; онъ вывѣдилъ это заключеніе изъ того, что оба сильнейшія Греческія государства, Спарта и Аѳини, вступивъ между собою въ борьбу, развили въ ней всѣ свои силы и заставили принять въ этой войнѣ участіе всѣ прочіе Греческіе народы, которые должны были пристать къ одной изъ воюющихъ сторонъ.

Задумавши написать исторію Пелопонезской войны , Өукидидъ , ничѣмъ другимъ незанятый въ изгнаніи , приступилъ къ собранію матеріаловъ , что сопряжено было съ огромнѣйшими трудностями и издержками . Для выполненія своего намѣренія , Өукидидъ пожертвовалъ значительною частію своего имущества ; съ этою же цѣлію онъ часто бесѣдовалъ съ членами правительства , полководцами , воинами ; наконецъ , онъ самъ былъ очевидцемъ большей части описываемыхъ имъ событий .

Его сочиненіе—Описаніе войны между

Пелопонезцами и Аѳіянами — раздѣлено на 8 книгъ, изъ которыхъ первыя семь обработаны окончательно. Фукидидъ представилъ въ своемъ сочиненіи такой образецъ исторического слога, который, въ своемъ родѣ, не нашелъ себѣ равнаго. Онъ писалъ на Аѳинскомъ діалектѣ, отъ котораго, потомъ, ни одинъ историкъ древней Эллады отступать не отваживался: ибо его твореніе считалось совершенѣйшимъ образцомъ атицизма въ историческомъ родѣ.

Римскій реторъ Квинтиліанъ, сравнивая его слогъ со слогомъ Геродотовымъ, говоритъ: «Фукидидъ сжать, кратокъ и всегда напряженъ; Геродотъ пріятенъ, свѣтель и обиленъ; тотъ лучше въ бурныхъ движеніяхъ души, этотъ — въ тихихъ; тотъ въ рѣчахъ, этотъ — въ бесѣдахъ; у того сила, у этого нѣга.» Знаменитые Римскіе историки Саллустій и Тацитъ взяли Фукидіда за образецъ и подражали ему, каждый, впрочемъ,

различно: Тацитъ усвоилъ себѣ его краткость, сжатость и глубокость; Саллустій старался подражать ему въ оборотахъ рѣчи и даже въ мысляхъ. Изъ древнихъ историковъ одинъ только Діонисій Галикарнаскій не умѣлъ оцѣнить Оукидида, находя его слогъ то хаотическимъ, то изысканнымъ, то жесткимъ, даже дѣтскимъ, холоднымъ, темнымъ и загадочнымъ. Лучшіе новые филологи признали единогласно, что Оукидидъ особенно отличается сжатою краткостію, исполненною глубины мысли, живостію и точностію въ подробностяхъ разсказа, ясностію и отчетливостію въ изложеніи причинъ войны и описаніи современного политического и общественна- го быта Греціи. Смѣло можно сказать, что мы теперь ни обѣ одномъ періодѣ древней исторіи не имѣемъ такого основательного и живаго представлениія, какъ о періодѣ, описанномъ Оукидидомъ. До- стовѣрность пѣвѣстій и безпристраст-

ное обсуждение личностей и событий суть великія достоинства нашего историка. Преимущественно обращалъ онъ вниманіе на истину и простоту повѣст-вованія , которое у него свободно отъ всѣхъ баснословныхъ прикрасъ. « Мой-разсказъ — говорить самъ Өукидидъ — пребудетъ достояніемъ всѣхъ временъ, а не блестищею рѣчью , минутно-пера-жающею слухъ. »

Изъ Өукидидовыхъ рассказовъ всего известнѣе описание моровой язвы , бывшей въ Аѳинахъ въ 429 году предъ Р. Х., отъ которой погибъ и самъ Периклъ. Въ описаніи моровой язвы подражали Өукидиду изъ древнихъ—славные Римскіе поэты Лукрецій и Виргилій, а изъ новыхъ—знаменитый Италіян-скій писатель Боккачіо. Извѣстный ху-дожникъ Пуссенъ изобразилъ эту язву, во всемъ ея ужасъ, на картинѣ.

Кромъ рассказовъ, Өукидидъ употре-блляетъ еще , для живаго изображенія

современности, рѣчи, которыя онъ влагаетъ въ уста народнымъ правителямъ, посламъ и проч. Объ этихъ рѣчахъ самъ Фукидидъ говоритъ такъ: «Что касается до рѣчей, которыя, то предъ началомъ, то въ продолженіе войны, были произнесены, трудно изъ нихъ было удержать въ памяти всѣ слова, трудно, какъ для меня изъ того, что я слышалъ, такъ и для другихъ, пересказавшихъ мнѣ эти рѣчи. Я ихъ передалъ такъ, какъ я думалъ, что приличнѣе было каждому произнести ихъ, держась, сколько возможно ближе, общаго смысла подлинныхъ рѣчей.» Всѣхъ замѣчательнѣе изъ такихъ рѣчей та, которую произнесъ Периклъ при погребеніи Аѳинскихъ воиновъ, падшихъ въ первомъ сраженіи. Это одинъ изъ драгоцѣнѣйшихъ остатковъ древней классической литературы. Ее-то мы здѣсь представляемъ въ переводе, предпославъ Фукидидовъ же разсказъ о торжественномъ погребеніи пад-

шихъ за отечество воиновъ. За нею слѣдуетъ переводъ упомянутаго описанія моровой язвы..

I. Надгробная рѣчь Перикла.

Въ ту же зиму (т. е. въ первый годъ войны Пелопонезской, за 431 годъ до Р. Х.), Аѳиняне устроили, по обычаю предковъ, общенародное торжественное погребеніе воиновъ, которые первыми пали въ эту войну, такимъ образомъ. За три дня до погребенія выставляютъ тѣла; каждый, по желанію, приносить дары своимъ покойникамъ. Во время погребального шествія, везутъ на колесницахъ кипарисные гробы; для каждого колѣна (на колѣна раздѣлялся народъ Аѳинскій) былъ свой особый гробъ; для тѣхъ, которыхъ тѣла не были найдены, еще особый пустой гробъ, увѣшанный покрывалами. Каждый гражданинъ и иностранецъ могъ принять

участіе въ шествії. Женщины , близкія усопшимъ , присоединялись также къ шествію , испуская вопли. Такъ тѣла привозятъ на общественное кладбище , лежащее въ красивѣйшемъ предмѣстіи города. Тамъ всегда погребаются убитые на войнѣ , исключая воиновъ , падшихъ при Мараѳонѣ , которые погребены на самомъ полѣ сраженія , ибо ихъ доблесть отлична (она сама по себѣ такъ славна , что не нуждалась въ почетномъ мѣстѣ для погребенія). По окончанії погребенія , избранный городомъ гражданинъ , известный своимъ умомъ и поченный предъ всѣми , произносить приличное похвальное слово усопшимъ . Наконецъ , всѣ расходятся. Вотъ въ чемъ состоитъ это погребеніе. Во все продолженіе войны , какъ только представлялся случай , соблюдался этотъ обычай . Теперь произнести рѣчь надъ воинами , которые первыми пали въ эту войну , досталось по выбору Периклу , сыну Ксантиппа .

Когда наступило назначенное время, онъ взошелъ на возвышеніе, для того нарочно уготованное, чтобы его слова могли быть какъ можно далѣе слышны всему собранію, и сказалъ слѣдующее :

Многіе ораторы, произносившіе рѣчи прежде меня съ этого мѣста, восхваляли законодателя, присоединившаго къ древнему закону погребенія другой, — предписывающей говорить похвальное слово усопшимъ. Они почитали прекраснымъ этотъ обычай воздавать всенародно похвалы воинамъ, падшимъ за отечество. Я бы сказалъ, что доблестные мужи, отличившіеся своими дѣлами, дѣлами и должны быть почтены (какъ вы теперь и видите въ этомъ торжественномъ, всенародно-уготованномъ погребеніи), и что не прилично доблесть многихъ предавать на произволъ случаиному успѣху краснорѣчія одного человѣка. Трудно говорить хорошо тамъ, гдѣ едва существуетъ какос-нибудь проч-

ное мышніе объ истинѣ того , что говорятъ: ибо знающій и благонамѣренный слушатель найдеть, можетъ быть , похвалу оратора недостаточною , въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ желалъ бы слышать и что онъ самъ знаетъ, а другой , которому происшествія не извѣстны, по врожденной человѣку зависти , найдеть преувеличенніемъ все то , что превышаетъ мѣру его способностей. Мы слушаемъ терпѣливо похвалы, приносимыя другимъ , только до тѣхъ поръ , пока сами считаемъ себя способными сдѣлать что-нибудь подобное ; а слыша похвалы за то , что превышаетъ наши силы , мы завидуемъ и не вѣrimъ. Но такъ какъ предки наши нашли приличнымъ установить подобныя рѣчи ; то я долженъ , послѣдуя законамъ , стараться удовлетворить желаніи и мнѣнію каждого изъ васъ.

Начну, прежде всего, съ нашихъ предковъ. Въ эту торжественную минуту

справедливо и прилично воздать имъ эту честь воспоминанія. Люди одного племени всегда населяли эту страну , и это племя, своими доблестями, передало потомкамъ наше отечество свободнымъ, какъ оно теперь есть. Отцы наши еще болѣе заслуживаютъ похвалъ, ибо они, къ наслѣдію предковъ , прибавили то могущество , которымъ мы нынѣ пользуемся , и передали намъ его не безъ великихъ трудовъ. Но мы сами,— мы , настоящее поколѣніе , достигшее зрѣлаго возраста , мы наиболѣе возвеличили наше отечество : мы содѣлали наше государство значительнымъ, сильнымъ въ войнѣ и въ мирѣ. Я умолчу о подвигахъ , которыми пріобрѣтены различныя части нашего владычества ; не стану говорить о напастияхъ Грековъ и варваровъ , доблестью отраженныхъ нами или отцами нашими: я не хочу останавливать вашего вниманія на предметахъ , давно уже вамъ извѣстныхъ.

Но какимъ образомъ мы достигли такого могущества ; какія государственные постановленія , какие нравы общественные дали такое величіе нашей республикѣ ? — вотъ что я намѣренъ показать вамъ , прежде нежели перейду къ похваламъ усопшихъ воиновъ : я увѣренъ , что эти подробности не будутъ теперь неумѣстны ; что слышать ихъ будетъ весьма полезно для этого многочисленнаго собранія гражданъ нашихъ и гостей иностранныхъ .

Государственное наше устройство не имѣть нужды завидовать законамъ нашихъ сосѣдей , и мы не только другимъ не подражаемъ , но сами , напротивъ , служимъ образцами для нѣкоторыхъ . Оно называется демократіею , потому что не нѣкоторые только граждане , но большая часть народа участвуетъ въ управлениіи государствомъ . Граждане , въ частныхъ отношеніяхъ своихъ , всѣ равны предъ закономъ . Уваженіе воздается

только человѣку по степени его достоинства , а почести раздаются не роду и богатству, а одной доблести гражданской. Бѣдность и темное происхождение не останавливаютъ никого , когда онъ чувствуетъ себя способнымъ оказать услугу отечеству. Мы свободно разбираемъ государственные дѣла , и , въ ежедневной частной жизни , мы не преслѣдуемъ нашихъ согражданъ мелкими подозрѣніями ; мы не вмѣняемъ никому въ преступленіе , если кто живеть по своему ; мы не наносимъ нашимъ согражданамъ оскорблений , которыхъ хотя и были бы сами по себѣ безвредны , но могутъ раздражить тонкое чувство. Хотя въ нашей частной жизни нѣть ничего тягостнаго и суроваго , но въ общественныхъ дѣлахъ мы чувствуемъ какой-то благоговѣйный страхъ нарушить постановленіе государства ; мы всегда повинуемся существующимъ властямъ и законамъ , особенно тѣмъ , кото-

рые даны на защиту угнетаемыхъ, и тѣмъ неписаннымъ законамъ, которые, по тайному всеобщему согласію, составляютъ предметъ благоговѣнія народовъ.

Наши игры и годичные праздники, и благолѣпіе нашей частной жизни доставляютъ нашему духу разнообразное отдохновеніе отъ трудовъ его; каждый день имѣть свои удовольствія, отгоняющія печали. По обширности владѣній нашего государства, въ него стекается все изъ всѣхъ частей земли, мы съ такимъ же удобствомъ пользуемся произведеніями чужихъ странъ, какъ и своими собственными.

И въ отношеніи къ военному устройству мы отличаемся отъ нашихъ непріятелей. Нашъ городъ открытъ для всѣхъ; мы не изгоняемъ иностранцевъ; мы не лишаемъ ихъ права пользоваться нашими полезными учрежденіями, на-

шими зрѣлищами ; у насъ нѣтъ ничего скрытаго : все могутъ видѣть , всѣмъ могутъ воспользоваться наши непріятели . Мы надѣемся не на военные снаряды и хитрости , мы полагаемся на собственную личную доблестъ . Непріятели наши съ самаго дѣтства пріучаются къ военному мужеству многотрудными упражненіями ; мы , живя свободнѣе , съ неменьшею отвагою идемъ на встрѣчу тѣмъ же самымъ опасностямъ . И вотъ доказательство : Лакедемонянѣ никогда не идутъ войною на нашу землю одни , но всегда соединясь со всѣми ихъ союзниками ; а мы , нападая на сопѣднія страны , безъ труда одерживаемъ побѣду въ чужой странѣ и надъ людьми , сражающимися за свою собственность . Еще никому изъ непріятелей не случалось бороться со всею массою военныхъ нашихъ силъ , потому что онъ раздроблены , потому что , въ одно и то же время , мы должны забо-

титься и о флотѣ , и отправлять сухопутные отряды въ разныя страны нашего владычества. Непріятели, встрѣтившись съ какимъ нибудь отрядомъ нашимъ и одержавъ побѣду, хвалятся , что всѣхъ насъ отразили , будучи же побѣждены , говорять , что потерпѣли пораженіе отъ совокупныхъ нашихъ силъ. Если мы обыкновенно отваживаемся на спасныя предпріятія легкомысленно , безъ предварительныхъ многотрудныхъ упражненій , и не столько изъ повиновенія законамъ , сколько по влечению собственной доблести , — мы имѣемъ ту выгоду , что не страдаемъ заблаговременно отъ предстоящихъ бѣствій ; а когда онѣ наступятъ , являемся не менѣе отважными тѣхъ , которые безпрестанно трудятся для ихъ избѣжанія .

Вотъ чѣмъ дѣлаетъ наше государство достойнымъ удивленія какъ въ этомъ , такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ . Мы любимъ изящное , но сохраняемъ

умѣренность въ жизни ; мы занимаемся науками , но онѣ не изнѣживаютъ нашего духа . Мы имѣемъ боярства для того , чтобы пользоваться ими въ потребныхъ случаяхъ , а не для того , чтобы хвалиться ими . У насъ никому не стыдно признаться , что онъ бѣденъ ; стыдно только не трудиться для избѣженія бѣдности . У насъ одни и тѣ же люди занимаются частными и общественными дѣлами , и даже самые ремесленники не чужды политическихъ свѣдѣній . Человѣка , не принимающаго участія въ общественныхъ дѣлахъ , мы не называемъ только беспечнымъ человѣкомъ , удаляющимся отъ дѣлъ , — нѣтъ , мы считаемъ его безполезнымъ , даже вреднымъ гражданиномъ . Мы судимъ справедливо о дѣлахъ или по крайней мѣрѣ руководствуемся вѣрнымъ тактомъ . Мы не думаемъ , чтобы рѣчи могли остановить ходъ государственныхъ дѣлъ ; напротивъ , считаемъ весьма пагубнымъ пред-

принимать какое-либо дѣло , пока оно не разсмотрѣно въ рѣчахъ иѣсколькихъ ораторовъ. Вотъ еще особенность нашего характера : мы отваживаемся на самыя смѣлые предпріятія и въ то же время можемъ отдать строгій разумный отчетъ въ томъ , что предпринимаемъ , между тѣмъ какъ незнаніе дѣлаетъ другіе народы безумно-отважными , а хладнокровное разсужденіе—недѣятельными. Тотъ , по справедливости , можетъ назваться доблестнымъ мужемъ , кто , имѣя ясное сознаніе о томъ , что онъ дѣлаетъ , имѣя выборъ между ужасами войны и удовольствіями мирной жизни , тѣмъ не менѣе добровольно подвергается опасности. Даже въ нашихъ добродѣтеляхъ мы отличаемся отъ прочихъ. Мы приобрѣтаемъ себѣ друзей , не получая , а сами для другихъ рассточая благодѣянія . Дружба благодѣтеля всегда прочнѣе: онъ охотно желаетъ сохранить привязанность , должную ему

за полученное благодѣяниe ; напротивъ , тотъ , кого онъ обязалъ , испытываетъ чувство болѣе холодное , зная , что онъ самъ не обязываетъ вновь , а только платить старый долгъ . Мы одни изливаемъ благодѣянія на друзей не по корыстнымъ разсчетамъ , а по великодушному довѣрію , свойственному свободнымъ людямъ .

Однимъ словомъ , вся наша жизнь есть школа для Греціи . Я могу сказать , что у насъ каждый гражданинъ одаренъ какою-то счастливою гибкостію характера , неразлучною съ граціями , которая дѣлаетъ его способнымъ къ разнообразнѣйшимъ занятіямъ . И что это не есть только наборъ блестящихъ словъ , а истина самыхъ фактовъ , тому служитъ доказательствомъ самое могущество республики , котораго мы достигли такими доблестными качествами . Изъ всѣхъ нынѣшнихъ республикъ , наша одна является въ подвигахъ своихъ вы-

ше своей славы. Непріятели , нападающіе на нее , претерпѣвъ пораженіе , не могутъ негодовать, потому что пострадали отъ доблестныхъ мужей , а подвластные народы не могутъ пожаловаться, что имъютъ властителей , недостойныхъ повелѣвать ими . Представляя свѣту могущество , пріобрѣтенное не во мракѣ неизвѣстности , но блестящее великими знаменіями нашей доблести , мы будемъ предметомъ удивленія для настоящихъ и грядущихъ поколѣній . Для похвалъ нашихъ намъ не нуженьи Гомеръ , ни другой какой писатель : онъ на минуту польстить нашему духу , а потомъ , вымышенные имъ подвиги потемнѣютъ предъ истиною самыхъ событій . Мы принудили море и землю открыть свободный путь нашему мужеству , и повсюду мы поставили вѣчные памятники золъ , нанесенныхъ врагамъ нашимъ , и благъ , разсыпанныхъ щедрою рукою на друзей нашихъ .

Таково , граждане , это славное отечество, за которое наши воины приняли доблестную смерть ; таково это отечество, за которое и каждый изъ насъ , еще живущихъ , долженъ охотно страдать и умереть.

Я для того распространился въ похвалахъ нашей республикѣ , чтобы показать , какъ не равна битва между нами и непріятелями нашими , которые не обладаютъ , въ равной съ нами степени , нашими отличительными достоинствами , и чтобы похвалу этихъ умершихъ гражданъ подкрѣпить явными доказательствами . Большая часть моего похвального слова уже произнесена , пбо говорить о славѣ нашей республики , не значитъ ли говорить о доблестяхъ этихъ мужей и всѣхъ имъ подобныхъ , которымъ отечество обязано благоденствиемъ своимъ ? Мало найдется Грековъ , подобныхъ имъ , которыхъ бы подвиги стояли наравнѣ съ ихъ славою . Смерть об-

наружила вполнѣ ихъ доблесть: она первая открыла ее свѣту, она же послѣдняя утвердила ее печатю безсмертія. Если бы даже они были, въ другихъ отношеніяхъ, менѣе достойны уваженія, то уже одно мужество въ войнѣ за отечество достаточно закрываетъ ихъ недостатки: они добромъ изгладили зло и болѣе принесли общественной пользы, нежели частнаго вреда. Но изъ этихъ воиновъ никто не предпочелъ, изнѣженный богатствами, наслажденія ими своей обязанности; никто не захотѣлъ избѣгать опасности, въ надеждѣ избавиться современемъ отъ бѣдности и обогатиться. Для нихъ вожделѣнїе всѣхъ этихъ благъ было—отмстить врагу; изъ всѣхъ опасностей—эта была самая славная; съ этими опасностями они хотѣли и наказать врага и достигнуть желаемыхъ благъ. Они ввѣрили надеждѣ неизвѣстность будущаго успѣха, а въ предстоящихъ опасностяхъ довѣряли только са-

мимъ себѣ , своему непобѣдимому мужеству. Считая лучшимъ сражаться и умереть , нежели спасти жизнь, уступивъ врагу, они избѣжали позорной хулы согражданъ и сохранили честь цѣнною жизни. Одинъ краткій мигъ рѣшилъ ихъ судьбу въ блестящую минуту ихъ славы.

Таковы были они для отечества. Пережившіе ихъ граждане могутъ желать себѣ болѣе спокойной жизни , но тѣмъ не менѣе да сохраняютъ отважный духъ предъ непріятелемъ, не только на словахъ , разсуждая о пользѣ отечества (предметъ довольно вамъ извѣстный, и о которомъ можно много говорить, исчисляя , какъ выгодно одолѣть непріятеля), но и созерцая ежедневно, на самомъ дѣлѣ , могущество республики и воспламеняясь къ ней любовію. И когда убѣдитесь въ ея величіи, помните, что это могущество доставили мужи отважные, знающіе свои обязанности, никогда,

среди ужасовъ битвъ, не забывшіе долга чести. Претерпѣвъ неудачу въ какомъ-либо предпріятіи, они не считали себя въ правѣ лишить отечество своей доблести; они приносили себя самихъ; какъ драгоцѣнную дань, на алтарь отечства. Всѣ они безразлично отдали себѧ на жертву, и каждый въ особенностіи стяжалъ никогда не дряхлѣющу славу и великолѣпную гробницу, не ту, въ которой они нынѣ покоятся, по другую, гдѣ слава ихъ вѣчно будетъ говорить воспоминанію, всякий разъ, когда потомки захотятъ помянуть ихъ словомъ и дѣломъ. Гробница славныхъ мужей есть цѣлая вселенная. Не однѣ надписи на столбахъ надгробныхъ, въ отечественной землѣ, говорять объ ихъ славѣ; иѣть, ихъ память живетъ даже въ чуждыхъ, отдаленнѣйшихъ странахъ; она хранится въ сердцахъ доблестныхъ людей лучше, нежели въ пышныхъ памятникахъ.

Вотъ кому завидуйте, вотъ кому старайтесь подражать, о граждане! знайте, что счастіе только тамъ, гдѣ есть свобода, а свобода не разлучна съ мужествомъ, и, исполненные этого убѣжденія, идите смѣло на встрѣчу военнымъ опасностямъ. Не тѣ, которые ведутъ бѣдственную жизнь, безъ надежды на лучшую участь, должны подвергать жизнь опасности; но тѣ, которые должны опасаться перемѣны счастія въ жизни и для которыхъ неудача можетъ имѣть важныя послѣдствія: ибо для человѣка съ душою гораздо тягостнѣе влечить недѣятельное и презрѣнное существованіе, нежели пасть отъ внезапной смерти, постигающей его среди подвиговъ мужества и всеобщей надежды отечества.

И потому я не стану оплакивать участіи родителей, здѣсь присутствующихъ, а постараюсь только утѣшить ихъ. Они знаютъ, что мы рождены для

многоразличныхъ бѣствій жизни, и что счастливы тѣ, которые, подобно этимъ воинамъ, сподобились достойной кончины и, послѣ безбѣдной жизни, умерли славною смертію. Знаю, что трудно убѣдить въ этомъ васъ, которые въ счастіи другихъ, въ счастіи, которымъ вы сами наслаждались, найдете источникъ горестныхъ воспоминаній: ибо горесть стоитъ не въ отсутствіи благъ, которыхъ мы никогда не испытали, но въ лишеніи тѣхъ, къ которымъ мы привыкли.

Тѣ, которымъ лѣта позволяютъ еще имѣть дѣтей, да укрѣпятъ свой духъ этою надеждою. Эти дѣти заставятъ ихъ забыть о потерѣ первыхъ, а отечество получить двойную пользу: они восполнятъ промежутки его народонаселенія и послужатъ залогомъ его безопасности: ибо люди, не имѣющіе дѣтей, за которыхъ они должны подвергаться опасностямъ, не могутъ быть добрыми гражданами, защитниками пра-

восудія въ отечествѣ. А вы, у которыхъ старость отнимаетъ эту надежду , благодарите судьбу за прошедшую вашу долгую , счастливую жизнь, считая ее уже важнымъ выигрышемъ. Знайте, что вамъ остается уже не долго страдать , и утѣшайтесь себѧ славою вашихъ падшихъ сыновъ. Одна любовь къ славѣ не знаетъ старости. Въ дряхлости величайшее наслажденіе не собирать богатства, какъ нѣкоторые думаютъ, а быть предметомъ уваженія.

Дѣти и братья падшихъ героевъ! Вамъ предстоитъ великая борьба. Всъ охотно хвалятъ умершихъ ; при величайшихъ усиленіяхъ добродѣтели , вы не достигнете , чтобы васъ считали равными симъ героямъ; довольно, если васъ поставить немногимъ ниже ихъ. Живые всегда имѣютъ соперниковъ, имъ завидуютъ; напротивъ, охотно воздаютъ должную честь достоинству , которое не можетъ быть преградою для состязателя.

Если должно сказать нѣсколько словъ о добродѣтели, приличной жинщинамъ, которая теперь остаются вдовами, я въ немногихъ словахъ заключу всѣ мои совѣты. Исполняйте обязанности вашего пола, вотъ ваша слава, которая состоить въ томъ, чтобы всего менѣе говорили объ васъ мушкины, ни въ хорошую ни въ дурную сторону.

Я высказалъ въ этой рѣчи, сообразно съ закономъ, все, что я считалъ для васъ полезнымъ, граждане! Знаменитые усопшіе пріяли уже должную честь. Съ этого дня дѣти ихъ будутъ воспитываться на иждивеніе республики до зрѣлага ихъ возраста. Вотъ вѣнецъ, который отечество даетъ имъ въ награду и предлагаетъ всѣмъ желающимъ за него подвизаться. Гдѣ гражданскія доблести удостоиваются величайшихъ наградъ, тамъ и лучшіе граждане обрѣтаются.

Теперь каждый, заплативши дань

своимъ усопшимъ, да отойдѣтъ въ домъ свой.

Такъ въ эту зиму происходило по-гребеніе, а когда зима прошла, кончился съ тѣмъ вмѣстѣ и первый годъ этой войны.

II. Моровая язва въ Аѳинахъ.

Съ наступленіемъ весны (за 430 лѣтъ до Р. Х.) Пелопонезцы и ихъ союзники, съ третію частію своего войска; вторгнулись опять въ Аттику. Ими предводительствовалъ Архидамъ, сынъ Зевксидама, царь Лакедемонскій. Утвердившись здѣсь, они опустошали страну. Едва только они пробыли въ Аттике нѣсколько дней, какъ начала впервые показываться между Аѳинянами болѣзнь, которая, какъ говорятъ, уже прежде обнаружилась во многихъ мѣстахъ, частію на Лемносѣ, частію въ другихъ мѣстахъ; не припомнить, впрочемъ, чтобы гдѣ-либо была такая свирѣпая болѣзнь и такая

смертьность между людьми. Не могли подать помощи ни врачи, — лечившие, не зная свойства болезни, и большей частью сами умиравшие, тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше приходили въ соприкосновеніе съ больными, — ни другое какое человѣческое искусство. Сколько ни молились, принося жертву, сколько ни обращались къ оракуламъ и т. п., все было напрасно, такъ что, наконецъ, и отъ этого отстали, побѣжденные бѣдствіями.

Болезнь прежде началась, какъ говорятъ, въ Египтѣ, по ту сторону Египта; потомъ, распространилась также по Египту, Ливіи и по большой части царскихъ (т. е. царя Персидскаго) владѣній; въ Аѳинскую же область она проникла внезапно и прежде всего поразила людей въ Пиреѣ, такъ, что они даже утверждали, будто бы Пелопонезцы бросили ядъ въ водохранилища (ибо

колодцевъ тамъ еще не было). Позже однако болѣзнь проникла и въ самый го-родъ, и тогда смертность стала еще значительнѣе.

Пусть каждый, будь онъ врачъ или профанъ, судить по своему о томъ, отчего, по всей вѣроятности, возникла эта язва, и приводить свои причины, которыми можно, по его мнѣнію, объяснить силу такого необычайного измѣненія въ состояніи здоровья. Я же, и самъ испытавши на себѣ эту болѣзнь, и наблюдавши надъ другими больными, разсказжу только, въ чемъ состояла эта болѣзнь, и означу тѣ признаки, по которымъ, зная ихъ напередъ, лучше всего можно будетъ распознать ее, если она снова когда появится.

Всѣми признано, что въ этотъ годъ другими болѣзнями весьма мало страдали; если кто прежде имѣлъ какую болѣзнь, тотчасъ она начинала переходить

въ эту язву. На прочихъ, безъ всякаго повода, вдругъ, при совершенномъ здоровьѣ, нападала сильная головная боль, и краснота и воспаленіе глазъ; внутренности же, — горло и языкъ, заплывали кровью и испускали необыкновенный и вонючій запахъ. Потомъ, оттуда развивались насморкъ и охриплость, и скоро болѣзнь падала на грудь, что сопровождалось сильнымъ кашлемъ; какъ скоро же болѣзнь поселялась въ желудкѣ, она всего его потрясала, и тогда начинались всѣ испражненія желчи, какія только известны медикамъ, и притомъ съ жестокими болями. Также на большую часть больныхъ нападали потуги ко рвотѣ, которая причиняли сильные судороги; эти судороги у однихъ скоро переставали (съ тѣмъ вмѣстѣ какъ исчезали потуги ко рвотѣ), а у другихъ продолжались гораздо долѣе. Тѣло у больныхъ не было ни слишкомъ горячо на ощупь, ни блѣдно, напротивъ, кра-

сновато , свинцового цвѣта, и покрывалось сыпью и нарывами ; но внутренній жаръ такъ былъ силенъ , что больнымъ несносно было покрываться самыми тончайшими одеждами ; имъ хотѣлось быть совсѣмъ нагими, а всего лучше броситься въ холодную воду. Многіе , за которыми не было присмотра , томимые ненасытимою жаждою , бросались , въ самомъ дѣлѣ , въ водохранилища , но все было равно, пить много или мало. Больные совсѣмъ не могли найти покоя и безпрестанно страдали безсонницей. Пока болѣзнь была въ полной силѣ , тѣло не худало, противостоя , сверхъ чаянія , страданію , такъ что большая часть на девятой или даже на седьмой день, еще не совсѣмъ обезсиленные, умирали отъ внутренняго жара; у большей же части прочихъ больныхъ болѣзнь падала на животъ ; въ немъ происходило гноеніе и въ то же время открывался сильный поносъ , отъ котораго , наконецъ , боль-

ные обезсиливали и умирали. Вообще болѣзнь, имъя сѣдалище свое въ головѣ, проходила, начиная сверху, чрезъ все тѣло, и въ томъ, кто перенесъ самую большую уже опасность, поражала, по крайней мѣрѣ, оконечности членовъ, и такимъ образомъ клала свой знакъ на больнаго; ибо она поражала оконечности рукъ и ногъ, такъ что одни спасались отъ смерти, лишившись этихъ членовъ, другие лишились и глазъ. Нѣкоторые, какъ только выздоравливали, вдругъ совсѣмъ лишились памяти, такъ что теряли самосознаніе и не узнавали близкихъ имъ людей.

Ужасна была эта болѣзнь, выше всякаго описанія: частію она поражала каждого съ болѣшею силою, нежели какую можетъ вынести человѣческая природа, частію она представлялась и въ томъ отношеніи чѣмъ-то необыкновеннымъ, что птицы и четвероногія животныя, нападающія обыкновенно на че-

ловъческіе трупы, или совсѣмъ не трогали многихъ непогребенныхъ тѣлъ, или, поѣвши, сами дохли. Это доказывается тѣмъ, что этого рода птицы пропали: ихъ совершенно не было видно ни при трупахъ и нигдѣ. Напротивъ, собаки,— потому что собака живетъ съ человѣкомъ,— представляли болѣе случая для наблюденій.

Таково было вообще свойство этой болѣзни, не говоря о многихъ необычайностяхъ, и о томъ, что она въ каждомъ больномъ, въ сравненіи съ другимъ, представляла нѣкоторую особенность. Въ это время вообще не страдали обыкновенными болѣзнями, а если гдѣ такая и показывалась, то оканчивалась моровою язвою. Иные умирали отъ неприсмотра, другие — и при самомъ лучшемъ присмотрѣ. Не было ни одного такого общаго лекарства, обѣ которому можно было бы сказать, что оно рѣшительно помогаетъ, ибо чтѣ одному было полез-

но, тò другому вредно. Никакой тѣлесный организмъ, ни крѣпкій, ни слабый, не силенъ былъ противостоять этой болѣзни, напротивъ, она поражала всѣхъ безъ различія, даже и тѣхъ, которые держались всевозможной умѣренности въ жизни. Ужаснѣе всего было въ этой болѣзни тò, что каждый тотчасъ впадалъ въ уныніе, какъ скоро замѣчалъ, что онъ болѣнъ (ибо тотчасъ, предавшись отчаянію, больной пренебрегалъ самъ собою и не употреблялъ никакого усиленія противостоять болѣзни), и что всѣ гибли, какъ овцы, заражаясь одинъ отъ другаго. Особенно отъ ухаживанія за больными увеличивалась смертность. Если удалялись другъ отъ друга, то больные умирали оттого, что не подавали имъ помощи; многіе дома опустѣли отъ недостатка въ присмотрѣ за больными; если же приходили въ соприкосновеніе съ больными, особенно если при этомъ оказывали от-

личное усердіе, то и тогда умирали. Многіе изъ великодушія забывали о себѣ и посѣщали больныхъ своихъ друзей, пока, наконецъ, даже ближайшіе люди, побѣжденные несчастіемъ, превышающимъ всякую мѣру, перестали имѣть жалость къ умирающимъ. Выздоровѣвшіе всѣхъ болѣе имѣли состраданіе къ умирающимъ и больнымъ, ибо они и на себѣ испытали болѣзнь, и знали, что они виѣ опасности, потому что болѣзнь, однажды перенесенная, снова уже не возвращалась въ такомъ видѣ, чтобы она могла быть смертельной. Не только прочие считали ихъ счастливыми, но и сами они, кромѣ настоящей радости, питали еще въ себѣ обманчивую надежду, что впредь никакая другая болѣзнь не будетъ для нихъ смертельной.

Тягость положенія Аѳинянъ, происходящая отъ самой моровой язвы, была еще усиlena тѣмъ, что, при началѣ войны, многіе загородніе жители искали

убѣжища въ городѣ; особенно терпѣли сами же пришельцы отъ такого необыкновенного стеченія народа въ городѣ. Такъ какъ здѣсь не было довольно жилищъ, и такъ какъ многіе принуждены были лѣтомъ жить въ душныхъ избахъ, то множество умирало въ ужасномъ безпорядкѣ. Умирающіе лежали кучами, и кучами же лежали трупы. Полумертвые валялись по улицамъ и близъ всѣхъ водохранилищъ, дабы утолить жажду. Храмы, въ которыхъ пришельцы также поселялись, были наполнены трупами людей, тамъ умершихъ, ибо, не зная напередъ своей участіи, подавленные несчастіемъ, все перестали уважать, все, безъ различія, освященное и божескими и человѣческими законами. Всѣ обряды, соблюдаемые обыкновенно при погребеніяхъ, пришли въ разстройство. Погребаль всякъ какъ могъ, не думая о запрещеніяхъ: такъ какъ собственныхъ средствъ уже не доставало, отто-

го, что много уже прежде умерло своихъ, то обращались къ чужимъ кострамъ, клали па нихъ своихъ мертвцовъ и зажигали костеръ, предупреждая тѣхъ, которые его приготовили; или же въ то время, какъ сожигался уже на кострѣ чужой трупъ, бросали туда же ими принесенный и поспѣшно удалялись.

Эта же моровая язва была первымъ поводомъ и къ другимъ, еще большимъ беззаконностямъ, совершившимся въ городѣ. Безстрашие теперь отваживались открыто удовлетворять тѣмъ страстямъ, которыя прежде таили, видя вокругъ себя быструю перемѣну судьбы, какъ богачи внезапно умирали, а тѣ, которые прежде ничего не имѣли, овладѣвали ихъ богатствами. Видя, что жизнь и богатства такъ кратковременны, спѣшили насладиться тѣмъ и другимъ. Никто не имѣлъ охоты сносить тягости, чтобы жертвовать тому, что онъ

считалъ хвалы достойнымъ , ибо неизвестно было, не похитить ли его смерть, прежде нежели ему удастся достигнуть своей цѣли. Тѣ только считалось похвальнымъ и полезнымъ, что доставляло немедленное наслажденіе или же было къ тому средствомъ. Никакой страхъ къ богамъ , никакой человѣческій законъ ихъ не обуздывали. Почитать или не почтатъ боговъ , было, казалось, все равно, ибо видѣли , что всѣ , безъ различія , доставались въ добычу смерти ; никто не думалъ дожить, пока дѣло его рѣшится въ судѣ и виновный понесеть наказаніе за свои преступленія ; надъ головою каждого висѣлъ уже неизбѣжный и гораздо злѣйшій мечъ кары; всякий считалъ себя въ правѣ, сколько возможно болѣе, насладиться жизнью , прежде нежели совершится надъ нимъ смертный приговоръ судьбы.

Такія бѣдствія постигли Аѳинянъ. Въ городѣ вымирали люди , загородпяя об-

ласть была опустошаема. Въ эти дни скорби, старики, естественно, вспомнили, что издавна пѣтъ былъ такой стихъ: « придетъ Дорійская война и съ нею моровая язва. » Хотя многіе спорили, что въ этомъ стихѣ говорится не о моровой язвѣ (*λοιμος*), а о голодѣ (*λιμος*), но, сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ, тѣ, разумѣется, толкованіе должно было взять верхъ, которое принимало, что здѣсь говорится о моровой язвѣ, ибо люди относили преданіе къ тому, что тогда терпѣли. Впрочемъ, я думаю, если впослѣдствіи снова возгорится Дорійская война (т. е. война со Спартанцами и вообще жителями Пелопонеза, которые большею частію принадлежали къ Дорійскому племени), и случится тогда же голодъ, то толкованіе измѣнится въ этомъ смыслѣ. Вспомнили также нѣкоторые и о томъ оракулѣ, какъ богъ (Аполлонъ), на вопросъ Лакедемонянъ — начать ли имъ войну ? — отвѣчалъ: если

вы станете сражаться настойчиво, то победа останется за вами, и самъ онъ (Аполлонъ) вамъ поможетъ. Находили, что настоящія события согласны съ этимъ оракуломъ; что моровая язва явилась, въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдъ за вторженіемъ Пелопонезцевъ въ Аѳинскую область; что въ Пелопонезѣ она совсѣмъ почти не была замѣтна, но что она все-го болѣе опустошала Аѳины, а за ними и другія многонаселенные земли.

Вотъ разсказъ о событияхъ, относящихся къ моровой язвѣ.

П. Рѣдкинъ.

ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Царствованіе Іоанна Грознаго памятно Россіи во всѣхъ отношеніяхъ : памятно по огромному расширенію ея предѣловъ, по ея страданьямъ и по необычайности добродѣтелей, вызванныхъ самими страданіями.

Царь Иванъ Васильевичъ былъ сынъ царя и великаго князя Василья Ивановича отъ его второй жены. Первая жена Василья Ивановича, женщина непорочная въ глазахъ человѣческихъ, была еще жива, когда онъ вступилъ въ новый брачный союзъ ; у нея дѣтей не было, а Василій Ивановичъ желалъ, чтобы его потомство сидѣло на Русскомъ

престолъ; — онъ рѣшился съ нею развестись; женился на княжнѣ Глинской, и у него родился сынъ, царствовавшій вслѣдствіи подъ именемъ Ивана Васильевича Грознаго.

Иванъ Васильевичъ былъ еще младенцемъ, когда умеръ его отецъ, и воспитаніе будущаго царя, такъ же какъ и управленіе царствомъ, были представлены вдовствующей великой княгинѣ. Елена Глинская не отличалась нравственностью на престолѣ. Члены Боярской Думы, совѣтники и любимцы великаго князя Василья Ивановича, не отличались также ни совѣстливостью, ни благородствомъ души. Дворъ сдѣмался обителью разврата и кровопролитія, и бѣдное младенчество Ивана Васильевича окружено было гибельными уроками и еще болѣе гибельными примѣрами всѣхъ пороковъ. Такъ возрасталъ будущій правитель Россіи: душа страстная, но развращенная съ дѣт-

ства; умъ необычайный, но, къ несчастію, не освѣщенный знаніемъ обязанностей человѣческихъ. Такъ достигъ онъ юношескаго возраста и вступилъ въ правленіе государствомъ. Народъ, утомленный крамолами бояръ, и негодующій на униженіе Россіи въ послѣдніе годы ихъ правленія, встрѣтилъ съ радостною надеждою своего молодаго царя, одареннаго красотою и величиемъ, рѣдкими способностями къ дѣлу государственному и удивительнымъ краснорѣчіемъ, котораго доказательства сохранились для потомства въ его письмахъ; но надежды скоро обратились въ уныніе. Россія наполнилась слухомъ о жестокихъ казняхъ. Москва была облита кровью невинныхъ жертвъ и приведена въ ужасъ буйнымъ развратомъ своего царя. Иванъ Васильевичъ начиналъ тѣ страшное царствованіе, которое, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, устрашало современниковъ и губило въ безплодныхъ страда-

ніяхъ силы государства.—Вдругъ прошла радостная вѣсть: «грозный царь перемѣнился.»

Послушный до конца народъ Русскій не только не возставалъ противъ государя, верховнаго правителя и представителя народнаго единства, но еще сознавалъ въ себѣ высшій долгъ, — долгъ любви Царю—правителю обязанъ онъ былъ по-виновеніемъ, царю—человѣку — правдою; и во имя правды и любви Христіанской шли къ царямъ люди Русскіе, принося къ нимъ стонъ народа и голосъ пра-веднаго обличенія. Палачи окружали дворецъ, палачи ждали ихъ во дворцѣ, но они вступали спокойно, помолившись Богу и приготовившись къ разставанію съ жизнью, — мученическая жертва, — жертва любви народа къ государю. Большая часть изъ нихъ погибла; иные спасли другихъ невинныхъ или цѣлыхъ области (какъ напр.: юродивый Саллосъ во Псковѣ). Однимъ изъ первыхъ обличителей,

и самымъ счастливымъ, былъ Сильвестръ: его самопожертвованіе дало нѣсколько лѣтъ славы и благоденствія Россіи.

Москва цѣпенѣла въ ужасѣ передъ свирѣпостью и буйствомъ молодаго царя Ивана Васильевича, и вдругъ поразилъ ее новый ужасъ,— бѣдствіе неожиданное, кара Божія, по мнѣнію современниковъ. Весною, въ 1547-мъ году, сгорѣла большая часть Китай-города, съ гостинными казенными дворами, съ богатыми лавками и множествомъ домовъ, отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы рѣки; высокая башня, въ которой хранился порохъ, взлетѣла на воздухъ, и часть городской стѣны упала въ рѣку и запрудила ее. Черезъ нѣсколько дней, все Заяузье было обращено въ пепель; черезъ два мѣсяца, въ началѣ лѣта, во время бури, вспыхнулъ огонь на Арбатѣ, быстро охватилъ Пречистенку и такъ называемое Черторіе до Москвы

рѣки, перекинулся черезъ высокую стѣну Кремля и охватилъ весь Кремль; по томъ, неудержимо разлился по всѣмъ его окрестностямъ, захватывая всѣ улицы до Яузы и до самаго Всполья. Пламенныи потокъ обнялъ гибнущую Москву; люди не успѣвали спасаться изъ домовъ своихъ; — быстрота пламени обгоняла ихъ бѣгство и захватывала всѣ дороги. Москва пылала какъ огромныи костеръ, въ которомъ стоны умирающихъ были заглушены воемъ бури, трескомъ огня, и громомъ взрывающихся пороховыхъ запасовъ. Церкви, соборы, царскіе дворцы, каменные палаты исчезали въ огненномъ вихрѣ такъ же быстро, какъ деревянныя хижины. Все гибло: древніе памятники письменности, сокровища частныхъ людей, богатыя оружія, царская казна, святыя иконы и даже моши угодниковъ. Въ ужасъ бѣжалъ народъ, скрываясь въ окрестные лѣса; въ ужасъ бѣжалъ царь въ свой загородной

дворецъ въ селѣ Воробьевѣ. Пожаръ потухъ; въ погибнувшей Москвѣ дымились развалины. Чернь, раздраженная несчастью, искала и убивала мнимыхъ зажигателей; власти духовныя и свѣтскія молчали, окованныя трепетомъ минувшей грозы. Тогда въ Воробьевской дворецъ къ грозному царю пришелъ священникъ, родомъ Новгородецъ, именемъ Сильвестръ, и обличилъ его словомъ правды и писанія, обличилъ его въ преступленіи и развратѣ, въ нарушеніи законовъ Божескихъ и человѣческихъ, устрашилъ его гнѣвомъ небеснымъ и призвалъ къ покаянию. Царь, внимая словамъ Боголюбиваго человѣка, словамъ любви и самопожертвованія, увидѣлъ всю черноту своей жизни, ужаснулся самаго-себя, заплакалъ отъ глубины сердца, и покаялся. Воля Божія отсрочила на нѣсколько лѣтъ будущее бѣдствіе Россіи.

Первымъ душевнымъ движеньемъ Ива-

на Васильевича было отвращение отъ самаго-себя, вторымъ—негодованье на раболѣпствующій дворъ, окружившій его сѣтями лести и неправды; онъ искалъ для будущихъ своихъ чистыхъ подвиговъ новаго чистаго орудія; онъ искалъ человѣка, который бы сочувствовалъ съ покаявшимся царемъ, такъ какъ другіе царедворцы сочувствовали царю страстному и злому,—и онъ нашелъ его. Таковъ общій нравственный законъ сочувствія людей между собою въ добрѣ и злѣ. Новый добрый совѣтникъ для будущихъ подвиговъ добра, выбранный государемъ въ толпѣ молодыхъ сановниковъ, принадлежалъ къ роду не именитому и не былъ еще облечень въ высокое званіе. То былъ вѣчно памятный Алексѣй Феодоровичъ Адашевъ.

Иванъ Васильевичъ вступилъ въ новое поприще съ тою же пылкостью, съ которою онъ и прежде и послѣ предавался дурнымъ страстямъ. Его покая-

ные было всенародно, торжественно; оно совершилось на Лобномъ мѣстѣ, въ виду изумленной и обрадованной Москвы. Онъ просилъ прощенія въ прежнихъ своихъ беззаконныхъ дѣлахъ, обвиняя въ нихъ, — и не безъ причины,— развратъ двора, въ которомъ онъ былъ воспитанъ; онъ обѣщалъ быть царемъ правды и мира, и увѣщевалъ своихъ подданныхъ, дабы и они, подобно ему, измѣнили злость сердцъ своихъ, и полюбили другъ друга любовью Христіанскаго братства. Въ тотъ же день поручилъ онъ Адашеву разборъ чelобитныхъ и сказалъ ему во всеуслышанье: «Алексѣй! я слышалъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и взялъ тебя, чelовѣка молодаго и нищаго, и возвысилъ тебя на помощь душѣ моей. Ты не желалъ этаго сана, но я пожелалъ тебѧ имѣть, и не тебя только, но и другихъ такихъ же, которые бы утолили печаль мою и призрили людѣй моихъ, Богомъ мнѣ врученыхъ. Поручаю тебѣ принимать и

разбирать челобитныя отъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Не бойся сильныхъ и славныхъ — губителей немощи и бѣдности; не вѣрь и ложнымъ слезамъ и клеветамъ бѣднаго, когда онъ будетъ обращать твоё состраданіе въ орудіе неправды. Все испытывай и приноси намъ истину, страшася суда Божіяго. »

Вскорѣ увидѣла Россія плоды совѣтовъ Сильвестра и Адашева: злые вельможи были удалены и замѣнены лучшими; составъ Думы Царской былъ измѣненъ; злоупотребленіе власти обуздано. Всльдъ за тѣмъ приступилъ царь къ дѣлу великому, — къ собранью и приведенію въ порядокъ государственныхъ законовъ. Трудами мудрыхъ совѣтниковъ, подъ надзоромъ умнаго царя, составленъ былъ Судебникъ — прекрасный памятникъ нашего древняго права, сводъ узаконеній и судебныхъ обычаевъ Русской земли. Измѣненій было сдѣлано не много, и то самыхъ необхо-

димыхъ. Уважены были святыни ста-
рины, и мудрость прошедшихъ вѣковъ,
и неприкосновенность народнаго обы-
чая, всегда возникающаго изъ народной
жизни. Но, кончивъ великий трудъ свой,
Иванъ Васильевичъ отдалъ на судъ из-
браннымъ людямъ земли Русской соб-
ранье законовъ, назначенныхъ для нея,
дабы такимъ образомъ утвердились и
полнѣйшее разумѣніе права и полнѣй-
шее согласіе между народомъ и царемъ.
Въ Москвѣ былъ созванъ соборъ знаме-
нитѣйшихъ людей изъ чина свѣтскаго
и духовнаго; Судебникъ былъ ими раз-
смотрѣнъ и утвержденъ. Государю по-
любился голосъ народа, и новыя устав-
ныя грамоты дали всѣмъ городамъ и
волостямъ право избирать старость,
цѣловальниковъ, или присяжныхъ, для
суда по дѣламъ гражданскимъ и уго-
ловнымъ, вмѣстѣ съ царскими намѣст-
никами. Въ то же время земская испра-
ва была поручена сотскимъ и пяти-

десятникамъ, избраннымъ также вольнымъ выборомъ сельской общины. Такъ быль возстановленъ древній Русскій обычай, въ то время измѣненный почти вездѣ, за исключеніемъ Пскова и ширской области Новогородской.

И послѣ этого собора не разъ государями Русскими, Иваномъ Васильевичемъ и его преемниками, созывалися выборные люди отъ Русской земли въ Земскую Думу, или въ Земскій Великій Соборъ,— для обсужденія самыхъ важныхъ дѣлъ по законодательству или по спошенніямъ съ иностранными державами. Въ этихъ Земскихъ Думахъ или Соборахъ участвовали всѣ чины, отъ высшаго духовенства и боярства до мѣщанъ и людей посадскихъ. И всѣ чины пользовались равными правами, хотя и не равнымъ почетомъ; приговоръ полагался единодушно, но писался отъ каждого чина особенно, и утверждался подписями также по чинамъ. Возможность

такого единодушія, удивительная по тѣ-
перешнимъ понятіямъ, объясняется весь-
ма просто изъ тогдашняго быта. Осно-
вою мнѣнія были не личныя, шаткія и
произвольныя понятія, естественно склон-
ныя къ разногласію, но древній обычай,
которой одинъ для всѣхъ Русскихъ, и
прямой законъ Божественный, который
одинъ для всѣхъ Православныхъ.

Земская Дума не имѣла никакой влѣ-
сти, и была только выраженіемъ народ-
наго смысла, призванного на совѣтъ го-
сударемъ; по этому самому, она не толь-
ко не могла произвести никакого раз-
двоенія власти, но утверждала ее, свя-
зывая воедино волю государя съ обычаемъ и нравственнымъ чувствомъ народа.
Когда, послѣ смерти Годунова, наступи-
ли бѣдствія Россіи, ни Самозванецъ, ни
Шуйскій, избранный противозаконно, не
смѣли стать лицомъ къ лицу съ Зем-
скою Думою; а во время сиротства го-
сударственного, она отдала снова всю

власть, въ которую временно была облечена, новоизбранному царю Михаилу Феодоровичу Романову; и онъ, и его преемники любили совѣщаться съ нею, скрѣпляя государственную силу любовью и смысломъ народа. Такъ надобно понимать значеніе Земскихъ Соборовъ, дабы яснѣ разумѣть и пользу, принесенную ими, и многія явленія древней Русской Исторіи.

Послѣ Земской Думы и собранія свѣтскихъ законовъ въ Судебникѣ, Иванъ Васильевичъ Грозный созвалъ и соборъ духовныхъ лицъ, дабы привести въ порядокъ нѣкоторыя церковныя постановленія, истребить нѣкоторыя остатки язычества и устраниТЬ случайно вкравшееся злоупотребленіе. Соборъ этотъ извѣстенъ подъ имиаиемъ Стоглаваго, по числу статей, имъ утвержденныхъ.

Таковы были первые плоды совѣтовъ Сильвестра и Адашева: миръ и тишина въ государствѣ, кротость въ правленіи,

усовершенствование законовъ и любовь народа. Но царю и его советникамъ известно было, что на поприщѣ науки и вещественного просвѣщенія, Россія отстала далеко отъ государствъ западныхъ. Іоаннъ понималъ необходимость науки, и потребовалъ изъ чуждыихъ земель учителей для своей Россіи. Къ несчастію, вражда сосѣдей, Поляковъ, Ливонцевъ и Шведовъ, полагала преграду благимъ намѣреніямъ царя: они останавливали и заключали въ темницы иностранцевъ, отправлявшихся въ Россію по его призыву, ибо понимали уже всю силу Россіи, и, въ преступномъ себялюбіи, думали оградить себя отъ будущей опасности, удерживая въ невольномъ невѣжествѣ Русскихъ людей, просящихъ просвѣщенія и науки. Всѣ эти завистливые сосѣди получили вно-слѣдствіи наказаніе свое. Первая же изъ всѣхъ была наказана, еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, Ливонія, дерзко нару-

шавшая народное право и нравственную обязанность. Благія намѣренія Іоанновы встрѣтили преграду, почти непреодолимую, и весьма немногіе изъ ученыхъ людей могли пропиکнуть въ Россію; но, къ чести совѣтниковъ Іоанна, не должно забывать, что самое живое и ревностное стремленіе его къ просвѣщенію выказалось въ то время, когда іерей Сильвестръ руководилъ всѣми его дѣлами.

Много было сдѣлано для внутренняго устройства Россіи. Надобно еще было обезопасить ея предѣлы отъ внѣшнихъ непріятелей. Съ сѣверо-запада Швеція дѣлала частыя нападенія на область Новгородскую; съ запада Нѣмецкіе рыцари, овладѣвшіе берегами Балтійскаго моря, беспокоили и тѣснили Россію, не уважая ни святости договоровъ, ни обязанностей своихъ въ отношеніи къ мирному сосѣду. Польша и присоединенная къ ней Литва безпрестанно грозили воиною, отказывая Русскому государю въ

царскомъ имени и изъявляя неправыя притязанія на коренные области Русскія; наконецъ, съ сѣверо-востока, востока и юга кочевыя и полукочевыя царства Татарскія опустошали безпрестанными набѣгами, или пагромами, большую и лучшую половину Россіи, разоряя самыя окрестности Москвы, обращая города и села въ пепель, и уводя несчастныхъ жителей въ жестокое рабство. Съ этой стороны была величайшая опасность, слѣд. туда должны были быть обращены первые удары новой Русской силы.

Въ концѣ XII-го столѣтія, въ срединѣ Азіи, племена Монголовъ (того самаго народа, котораго мы называемъ Калмыками), скрѣпли и соединились въ могу чій союзъ подъ предводительствомъ Темуджина, иначе называемаго Чингисханомъ. Этотъ грозный завоеватель покорилъ почти всю Азію, и основалъ недолговѣчное, но безспорно самое обширное изо

всѣхъ царствъ, которыя когда-либо упоминались въ исторіи. Вскорѣ послѣ его смерти, преемники его завоевали всю Россію, кромѣ ея сѣверныхъ областей (Новогорода и Пскова), опустошили большую часть Польши и разгромили Венгрию. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи двухъ вѣковъ, Россія стонала подъ игомъ Монголовъ и платила имъ тяжелую дань. Впрочемъ, дѣйствительно, войско, покорившее и разграбившее Россію, состояло не изъ Монголовъ. Изъ Монголовъ были только предводители и часть отборной дружины; войско же состояло изъ Туровъ, побѣжденныхъ и увлеченныхъ потокомъ Монгольскихъ (т. е. Калмыцкихъ) племенъ. Русскіе же назвали своихъ побѣдителей не Монголами, по имени властующей семьи, и не Турками, по имени народа, изъ кото-раго составлено было войско, но Татарами, по имени небольшаго племени Татаевъ, Татаней или Татаръ, — никогда

жившаго на границѣ Китая, потомъ захваченнаго въ общемъ движениіи Монголовъ на западъ, и случайно составившаго ихъ передовой отрядъ, во время нашествія на Россію. Эта ошибка въ имени народа, который властвовалъ такъ долго въ нашемъ отечествѣ и до сихъ поръ въ немъ живетъ, доказываетъ, какъ осторожно надобно судить о действительномъ составѣ какого бы то ни было племени, по имени, подъ которымъ оно является въ исторіи, и какъ трудно исправить какую бы то ни было ошибку, вкравшуюся случайно въ языкъ или обычай народный.

Россія была покорена и опустошена; племена, жившія по Волгѣ, Дону, Кавказу и берегамъ Чернаго моря, были прогнаны, истреблены или обращены въ рабство; на ихъ мѣстѣ, въ опустѣлой землѣ, поселились побѣдители—Турки, известные Русскимъ подъ именемъ Татаръ. Царство Монгольское распалось на части: изъ его

обломковъ въ юго-восточной Россіи со-
ставилось новое Татарское царство , ко-
торому долго платили дань наши вели-
кіе князья. Наконецъ, и оно распалось ;
Россія освободилась отъ ига , но про-
должала страдать отъ уцѣлѣвшихъ о-
статковъ прѣжней Татарской силы. На
югъ было сильное царство Татаръ
Крымскихъ , которые безпрестанными
набѣгами опустошали всю область Ор-
ловскую и Курскую , и нерѣдко насыла-
ли свои многочисленныя дружины на
Калугу , Тулу , Рязань и на самыя о-
крестности Москвы. На востокъ отъ
Крымскихъ Татаръ кочевали Нагайцы,
опустошивши всю область при-Донскую;
наконецъ , на сѣверо-востокъ основано
было другое царство, отъ котораго Рос-
сія еще болѣе страдала, чѣмъ отъ сво-
ихъ южныхъ непріятелей.

На берегахъ Волги нѣкогда жило пле-
мя Славянское , однокровное намъ Рус-

скимъ, мужественное и торговое племя Болгаръ при-Волжскихъ (*). Большая часть этихъ Болгаръ, въ теченіи 6-го и 7-го вѣка послѣ Р.Х., переселилась на Дунай, гдѣ они и теперь живутъ въ числѣ нѣсколькихъ миллионовъ. Тѣ, которые остались на старыхъ жилищахъ, были побѣждены и порабощены новыми пришельцами изъ Азіи, воинственными семьями Финно-Турецкаго корня, составлявшими союзъ Уйголовъ. Побѣдители приняли отъ побѣжденныхъ, вмѣстѣ съ именемъ Болгаръ, многіе обычай и склонность къ торговлѣ, сохраняя впрочемъ воинственный характеръ и память о своей побѣдѣ надъ Славянами; ибо называли себя владыками Саклабовъ (т. е.

(*) Этотъ взглядъ на исторію при-Волжія основанъ на сличеніи свидѣтельствъ Европейскихъ и Азіятскихъ писателей, и согласенъ съ догадкою Венелина, открывшаго у насъ новую эпоху для исторической критики.

Славянъ). Русскимъ князьямъ пришлось бороться съ этими новыми беспокойными соседями. Послѣ продолжительной войны, Россія стала одолѣвать непріятелей, и такъ называемая Великая Болгарія приходила въ упадокъ. Чингисхановы Татары докопчили дѣло, начатое Русскими, и при-Волжская Болгарія исчезла съ лица земли. Въ опустѣлой землѣ погибли почти всѣ города, прекратилась торговля, и племена кочевыхъ грабителей раскинулись широко и привольно по всѣмъ берегамъ Волги.

Наконецъ, и Татары стали мало по малу привыкать къ торговлѣ, и, въ началѣ 15-го столѣтія, Ордынскіе выходцы возобновили старый Булгарскій городъ — Казань на торговомъ перепутіи, не далеко отъ развалинъ города Болгаръ. Такъ началось новое царство, гибельное для Россіи, по дикому нраву жителей и по близости его къ самому средоточію государства Русскаго

въ Москвѣ. Много страдала Россія отъ Казанскаго царства: безпрестанно опустошаемы были берега Волги, окрестности Нижняго-Новогорода, земля Муромская, окрестности Владимира и нерѣдко самая область Московская. Въ двухъ-стахъ верстахъ отъ столицы, крестьяне не смѣли выстроить себѣ удобнаго жилища, не смѣли надѣяться собрать въ житницы свои плоды своихъ полей: всякий день могла налетѣть Татарская дружина, потоптать жатвы, испепелить деревни. Вся жизнь поселянъ проходила въ тревогѣ, въ войнѣ, въ бѣдѣ. Русскіе князья терпѣли или откупались отъ нея деньгами. Но между тѣмъ Россія крѣпла. Дѣдъ царя Ивана Васильевича, великий князь Иванъ Васильевичъ III-й, правитель великий и строгій, утвердивъ навсегда первенство Москвы надъ остальными Русскими городами, распрос trанилъ далеко предѣлы государства. Онъ прекратилъ набѣги Казанцевъ; от-

няль у нихъ значительную часть ихъ области; обогнуль Казанское царство, завоевавъ далеко на съверъ Югорскую землю и часть теперешней съверо-западной Сибири. Наконецъ, нанесъ онъ тяжелый ударъ самой Казани и наложилъ на нее временную дань и иго Русской власти. Впослѣствіи Казанцы снова освободились и возобновили свои нападенія; во время малолѣтства царя Ивана Васильевича и крамолъ боярскихъ, беспрестанныя нашествія Татаръ и ихъ подрушиковъ—Черемисовъ обратили въ пустыни всѣ области пограничныя съ Казанью, и это бѣдствіе продолжалось еще тогда, когда молодой государь вступилъ уже во всѣ свои царскія права. Надобно было наказать безуміе Казани, не знавшей ни безсилія своего, ни сплы Россіи, ни святости договоровъ, ни взаимныхъ обязанностей государствъ. Надобно было навѣкъ освободиться отъ вѣчно-возобновляемаго бѣдствія. Иванъ

Васильевичъ и его добрые совѣтники рѣшились на великий подвигъ войны.

Первый походъ, предпринятый зимою, не имѣлъ успѣха; второй, совершенный тоже зимою, въ 1550-мъ году, навѣль страхъ на Казань, и войска Русскія стояли подъ ея стѣнами; но и въ этотъ разъ быстрая перемѣна погоды принудила ихъ къ отступленію. Привсемъ томъ, въ близкомъ разстояніи отъ враждебной столицы основана была крѣпость Свіяжскъ, на высокой горѣ, въ мѣстѣ, которое избралъ вѣрный взглядъ самаго Ивана Васильевича,— и стѣсненная Казань предузнала свое паденіе. Въ скоромъ времени, покорилися Россіи прежніе подданные царства Казанскаго— Чуваши, Мордва и храбрые Черемисы,— народы племени Финскаго, давно уже покоренные Татарами. Испуганные Казанцы, въ то время управляемые царемъ малолѣтнымъ, подъ опекою матери его Сюмбеки, и измученные внутрен-

ними мятежами, просили мира и обещали покорность. Царь Иванъ Васильевичъ далъ имъ новаго царя Шигалея, князя Казанскаго, давно уже служившаго въ Россіи. Новыя завоеванія по нагорной сторонѣ Волги остались въ рукахъ побѣдителей; множество Русскихъ пленныхъ было освобождено и возвращено въ свое отечество; но этотъ миръ былъ непродолжителенъ: Казанцы выгнали своего царя, возмутились и возвели на престолъ Астраханскаго царевича Эдигеръ-Махмета. Война началась снова. Въ Свіяжскъ свирѣпствовали болѣзни; войско и воеводы, которые стерегли Казань, предавались безпечности и разврату. Недавно покоренные жители горной стороны измѣняли и нападали на Русские отряды; ободренные Казанцы въ легкихъ сшибкахъ одерживали нерѣдкія побѣды и новыми набѣгами уже начинали тревожить Русскую границу. Слѣдовало нанести рѣшительный и окон-

чательный ударъ. Новые воеводы были отправлены въ Сіяжскъ, прежніе смѣнены; войско, стоящее около Свіяжска, получило строгій выговоръ отъ царя, и строгое наставление отъ Московскаго духовенства. Отовсюду была собрана многочисленная рать на берегахъ Оки и Волги. Давно уже не видала Россія такого ополченія: весело стекалось войско къ знаменамъ царя любимаго, къ дѣлу войны законной и неизбѣжной. Но и Казань была не безъ союзниковъ: въ ея паденіи предвидѣли южные Татары и свое будущее бѣдствіе. Сперва Нагайцы сдѣлали нападеніе на область Рязанскую, но ихъ дружины были разбиты и почти уничтожены царскими воеводами. Потомъ, когда долженъ былъ начаться походъ противъ Казани, явилось на южной границѣ Россіи многочисленное войско Крымскихъ Татаръ, усиленныхъ отрядами Янычаръ, присланныхъ султаномъ. Ханъ Крымскій Девлетъ-Гирей,

человѣкъ предпріимчивый и смѣлый, вель эти полчища на Тулу, опустошая и разрушая все на своемъ пути. Въ Тулѣ не было ратныхъ людей, потому что она отправила всѣхъ своихъ ратниковъ на службу государю — въ походъ Казанскій; немногочисленно было и войско царское подъ Москвою, потому что главная рать уже была далеко на берегахъ Клязмы и Свіяги. Но Тульскіе жители стали бодро на защиту своего города и отбили Крымцевъ и Янычаръ — тогдашнюю грозу всей Европы; а войско, собранное подъ Москвою, состоявшее изъ отборныхъ дѣтей боярскихъ, изъ дворянъ, жильцовъ и всегда мужественныхъ Новгородцевъ, шло, по словамъ современниковъ, на битву, какъ на потѣху. Ханъ отступилъ, но Русскіе настигли его, и блестательною побѣдою наказали за дерзкій набѣгъ.

Торжествующее войско шло на Казань. Труденъ былъ лѣтній походъ

чрезъ области, перерѣзанныя широкими рѣками, топкими болотами, непроходимыми лѣсами; но все войско Русское, такъ же какъ и вся Россія, было исполнено надеждъ и любви. Воеводы служили зсею душею царю, кроткому и справедливому; царь вѣрилъ воеводамъ и войску: всѣ препятствія были побѣждены легко, всѣ лишенія — перенесены охотно. Русскіе стали на послѣдній бой передъ стѣнами Казани; осада была кровопролитна: Татары не посрамили своей старой славы, пріобрѣтеної цѣлымъ рядомъ побѣдъ и завоеваній: каждый шагъ земли былъ купленъ жестокою битвою, каждый день ознаменованъ отчаянною борьбою, между народомъ, отстаивающимъ свою свободу, и народомъ, мстящимъ за долгія обиды и страданія. Казанцы не сдавались, а умирали съ оружиемъ въ рукѣ; — и даже въ послѣдній часъ, когда уже пали стѣны и часть города была занята, они порывомъ отча-

яной храбрости едва не вырвали победы изъ рукъ Русскаго войска. Мужество отборной дружины и старыхъ воеводъ, окружающихъ царя, рѣшило участъ сраженія: пала Казань и ея царство. Широко на востокъ раскинулась Россія, и, черезъ шестьдесятъ лѣтъ, область, за-воеванная Иваномъ Васильевичемъ въ дни, когда онъ внималъ доброму совѣту, спасала Москву и Россію. Царь былъ смирененъ въ побѣдѣ, воздавая за нее хвалу Богу; ласковъ къ своимъ воинамъ, благодаря ихъ за кровавый подвигъ; милостивъ къ побѣжденнымъ, принимая живыхъ подъ свое покровительство, сожалѣя о павшихъ Казанцахъ, какъ о людяхъ, не знавшихъ Христіанства, но созданныхъ Богомъ для братства человѣческаго. Подвигъ войны былъ великъ, торжество — милосердо.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взятія Казани, царь Иванъ Васильевичъ заболѣлъ сильною горячкою. Болѣзнь бы-

ла опасна, надежды на исцѣленіе мало. Народъ плакалъ о великомъ царѣ, но при дворѣ были смуты и почти явные мятежи. Царь завѣщалъ престолъ своему малолѣтнему сыну, но многіе бояре отказывались отъ присяги, и прочили царство близкому родственнику царскому, — князю Владиміру Андреевичу. Иванъ Васильевичъ приказывалъ, просилъ со слезами, но его приказанія и просьбы были безполезны. Упрямство бояръ и ихъ мнимая неблагодарность къ великому государю, недавно еще возвеличившему Россію законами и побѣдами, были нерѣдко предметомъ осужденія, но это осужденіе едва ли справедливо. Со времени великаго князя Святослава Игоревича, первымъ малолѣтнимъ государемъ на Русскомъ престолѣ былъ Иванъ Васильевичъ, и въ дни его младенчества Россія много натерпѣлась униженія и бѣды. Этотъ опытъ заставлялъ всѣхъ бояться новыхъ боярскихъ кра-

моль при новомъ царѣ—младенцѣ. Самое право царскаго сына на престолъ отца (несомнѣнное для насъ) казалось сомнительнымъ по понятіямъ тогдашняго времени. По древнему обычаю дома Рюрикова, престолъ великокняжескій переходилъ не отъ отца къ сыну, но отъ умершаго великаго князя къ старшему изъ его родственниковъ,—и этотъ обычай былъ только отстраненъ частными договорами, а не отмененъ кореннымъ закономъ. Еще при дѣдѣ царя Ивана Васильевича, великому князю Ивану Васильевичу III, порядокъ престолонаслѣдія былъ нѣсколько разъ нарушенъ; следовательно онъ не могъ еще обратиться въ священный обычай и быть вполнѣ обязательнымъ для совѣсти бояръ. Отказываясь отъ присяги, они поступали откровенно и добросовѣстно, хотя и ошибались въ понятіяхъ своихъ о пользѣ государственной. Такъ думалъ и царь Иванъ Васильевичъ, ког-

да неожиданно выздоровѣлъ отъ тяжкой болѣзни. Онъ не мстилъ и не наказывалъ: онъ понималъ разницу между злонамѣренностью и ошибкою. Быть можетъ, память объ ослушаніи боярскомъ и о правахъ князя Владимира Андреевича на престолъ подали ему поводъ казнямъ, въ то время, когда разсвирѣпѣвшія страсти его стали искать уже не причинъ, а предлога для жестокости; но мы не имѣемъ никакого права обвинять его въ лицемѣріи послѣ выздоровленія.

Царь Иванъ Васильевичъ, получивъ изцѣленіе, пожелалъ выразить свою благодарность Богу поклоненіемъ въ монастырѣ Святаго Кирилы Бѣлозерскаго. Во время этого путешествія, отъ кото-раго безполезно отговаривали его добрые совѣтники и Богоугодные люди, особенно же известный Максимъ Грекъ—мужъ святой, исправитель переводовъ Священнаго писанія на Славянскій языкъ,

царь пожелалъ видѣться съ Коломенскимъ епископомъ Вассіяномъ Топорковымъ. Вассіянъ былъ нѣкогда любимцемъ Василья Ивановича, но боярами былъ лишенъ епархіи за лукавство и жестокосердіе. Иванъ Васильевичъ просилъ его совѣтовъ, и злой совѣтникъ отца былъ злымъ совѣтникомъ для сына. Онъ сказалъ ему: «если хочешь быть царемъ, то не держи совѣтниковъ умнѣе себя»—и царь благодарили его за ядовитый совѣтъ, какъ будто бы слава совѣтника не есть слава государя, ему внимающаго, или какъ будто цари царствуютъ для своей славы, а не для счастія народа и для исполненія закона Божіяго. Свиданіе съ Вассіяномъ было, безъ сомнѣнія, бѣдствіемъ для Ивана Васильевича, но вліяніе злого совѣта оказалось не скоро.

Въ недавно—покоренной области Казанской безпрестанно всыхивали бунты на луговой сторонѣ Волги; туда было послано войско съ добрыми воеводами, кня-

земъ Микулинскимъ, Шереметевымъ, княземъ Курбскимъ и Даніломъ Феодоровичемъ Адашевымъ, братомъ любимца государева. Успѣхи оправдали царскій выборъ; — и, послѣ мужественнаго сопротивленія, Черемисы покорились навсегда. Въ Казани было учреждено архіепископство, и первый ся Святитель Гурій, причисленный впослѣдствіи къ лику Угодниковъ, наполнилъ славою своихъ Христіанскихъ добродѣтелей область, недавно прославленную великими подвигами военными.

На устьѣ Волги былъ иѣкогда городъ Казарскій, называемый Атель или Балангіаръ. Въ 13-мъ вѣкѣ, онъ принадлежалъ другому племени и назывался Сумеркентомъ; впослѣдствіи принадлежалъ Татарамъ Золотой Орды и, назывался, по нашимъ лѣтописямъ, Астороканью; послѣ паденія Золотой Орды, онъ сдѣлался столицею особенныхъ хановъ изъ рода князей Нагайскихъ. При царѣ Иванѣ

Васильевичъ, неосторожный ханъ, обольщенный обѣщаніями султана и Крымскаго хана Девлетъ - Гирея, оскорбилъ и заключилъ въ темницу Московскаго посла. Наказанье послѣдовало за оскорблениемъ. Въ 1554-мъ году, была взята Астрахань, и новый ханъ возведенъ на мѣсто прежняго. Вскорѣ измѣнилъ и этотъ новый владыка, поставленный Россіею, и въ 1557-мъ году Астрахань была навсегда присоединена къ царству Московскому. Завоеванье было легкое, (какъ и старая народная пѣснь говоритъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ;

« Казань-городъ на славу взялъ ,
Мимоходомъ городъ Астрахань. »)

Но слава была велика. Россія взяла себѣ всю Волгу, охватила царства Магометанскія и подала руку своимъ единовѣрцамъ, Христіанамъ въ Грузіи и на скатахъ Кавказа.

Еще прежде завоеванья двухъ Татарскихъ царствъ, пріобрѣлъ Иванъ Ва-

сильевичъ безъ войны новую силу, которая впослѣствіи вѣрно служила его преемникамъ и бодро стояла въ сраженіяхъ за Святую Русь. Народы Славянскіе вообще были народами мирными, или хлѣбопашцами или торговцами; они не искали и не любили войны, но пхъ часто беспокоили воинственные сосѣди, и по границамъ земель Славянскихъ, вообще называемымъ Крайнами или Украинами, селились выходцы изъ Славянскихъ общинъ, уdalьцы, предпочитавшіе войну мирному быту и охранявшіе братьевъ отъ нашествія иноплеменаго. Это явленіе принадлежало собственно только миру Славянскому и повторялось почти на всѣхъ его предѣлахъ. Въ Россіи воинственные защитники ея отъ Татарь приняли Татарское же название Казаковъ. Много было Казаческихъ обществъ по всей южной Украинѣ; и всѣ они были независимы, и всѣ имѣли одну только цѣль—стоять за землю Христіанскую.

противъ Мусульманъ и Татаръ. Главные общины были на Днѣпрѣ и на Дону: Днѣпровскіе присоединились къ Польшѣ; Донскіе, видя возрастающую Россію и славу ея царя, признали надъ собою ея верховную власть, и, съ 1549-го года, служа Ивану Васильевичу, стали подаваться все болѣе и болѣе на югъ, завладѣли почти всѣмъ теченьемъ Донскимъ, громили Нагаевъ, Крымцевъ и даже Турокъ, и строили Русскія крѣпости на самыхъ берегахъ Азовскаго моря, въ странѣ, которая до тѣхъ поръ считалась принадлежностію Оттоманской имперіи.

Громко стало имя Россіи на востокѣ: далекія земли Бохарская и Хивинская просили ея дружбы; Грузія и земли за-Кавказскія просили покровительства. Нагайцы, смиряясь, объявили покорность; племена Черкесскія вступали къ ней въ подданство, и просили священниковъ для утвержденія у

себя слабѣющаго Христіанства ; западная Сибирь присыпала ей дани; гордый султанъ, самый могущественнѣйшій изо всѣхъ современныхъ государей , посыпалъ къ Ивану Вавильевичу дружелюбныя грамоты , писанныя золотыми буквами , прося о мирѣ и любви. Одинъ только Крымъ еще грозилъ Россіи. Побѣжденный Девлетъ-Гирей возобновилъ набѣги ; — снова доходилъ до Тулы, и снова бѣжалъ, при слухѣ о намѣреніи Русскихъ отрѣзать ему обратный путь. Вскорѣ и Русскіе показались на границахъ Крыма. Ржевскій взялъ нѣсколько крѣпостей на берегу Чернаго моря. Князья Черкескіе, вступивши въ подданство Россіи, захватили Тамань и другія крѣпости на берегу Азовскаго моря ; Литовецъ князь Вишневецкій , вступивши въ службу къ царю — побѣдителю, громилъ съ Казаками Крымскія и Нагайскія кочевья ; наконецъ, Даниилъ Феодоровичъ Адашевъ, болѣе всѣхъ другихъ

счастливый и отважный, построивъ корабли на низовьяхъ Днѣпра, присталь къ берегамъ самаго Крыма, и, въ продолженіи двухъ недѣль, опустошаю сѣла и города, обогатившіеся разбоемъ и набѣгами на Польшу и Россію. Его дружина была слишкомъ малочисленна для завоеванья, и онъ отступилъ, но отступилъ съ добычею и славою побѣды. Крымъ въ первый разъ увидѣлъ надъ собою кару Россіи; онъ дрожалъ, предчувствуя близкую гибель; Россія радовалась въ ожиданіи законнаго и праведнаго торжества, но другія заботы обратили вниманіе царя Ивана Васильевича на западъ и отсрочили надолго паденіе Крымскаго царства.

По мѣрѣ возрастанія Россіи, возрастила и завистьсосѣднихъ державъ. Ея завоеванья были законны, ибо были только слѣдствіемъ законной обороны. Области, ею приобрѣтеныя, были отняты у народовъ Магометанскихъ, противъ ко-

торыхъ безпрестанно проповѣдалась война въ западной Европѣ; казалось бы и западнымъ сосѣдямъ Россіи не слѣдовало скорбѣть обѣ ея торжествахъ; но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Всѣ они помнили, что воспользовались ея бѣдствіями во время Татарскаго ига для того, чтобы похитить ея старыя и лучшія области; всѣ чувствовали, что были противъ ея виноваты, и ненавидѣли ее, бояся справедливаго мщенія или повинуясь общему закону, по которому ненависть обидчика противъ обиженаго ростетъ по мѣрѣ того, какъ ростеть обида. Народъ, такъ же какъ и каждый человѣкъ, наказывается своими же грѣхами.

Въ 1553 году, Англія, окрѣпшая подъ державой рода Тюдоровъ, и вступившая при нихъ въ то поприще всемірной торговли, на которомъ она дошла въ наше время до высоты, безпримѣрной въ исторіи рода человѣческаго, захотѣла вступить въ прямыя сношенія

съ Россіею и получить отъ нея товаръ, который до тѣхъ поръ переходилъ въ Европу черезъ руки Ливонцевъ и Шведовъ. Берега Балтійскаго моря еще не принадлежали Россіи; къ ней былъ только одинъ свободный доступъ черезъ моря Ледовитое и Бѣлое. Туда обратились Англичане, и предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ. Начался торговый размѣнъ, выгодный для обоихъ государствъ; начались между правительствами сношения, исполненные дружелюбія и искренняго доброжелательства. Радушно принималися въ Россіи Англійскіе купцы; радушно и почетно привѣтствованы были Англійскіе посланники; еще съ большими почестями принималися въ Англіи посланники Россіи. Такъ подали другъ другу руку два великіе народа, назначенные Провидѣніемъ занять высшее мѣсто въ обществѣ всѣхъ народовъ. Такъ распространялась до Темзы и до западной оконечности Европы Рус-

ская торговля, проникавшая въ то же время до внутренней Азіи и до горныхъ преградъ, опоясывающихъ Индію съ сѣвера. Примѣру Англіи послѣдовали Голландцы и купцы Брабандскіе.

Напрасно старалась Ливонія преградить пути сообщеній между Россіею и остальной Европою; напрасно Швеція просила Авгличанъ прекратить торговлю, увеличивающую багатства земли Московской; Англія не хотѣла быть орудіемъ чужихъ страстей. Не получивъ успѣха посредствомъ переговоровъ, Швеція прибѣгла къ оружію. Ею правилъ государь великий и мудрый ея освободитель отъ Датчанъ, Густавъ Ваза. Онъ не хотѣлъ войны, но послушался дурныхъ совѣтовъ и опрометчивой храбости своихъ богатыхъ дворянъ. Не долго продолжалась война: скоро узнала Швеція свое безсиліе и силу своего мирнаго сосѣда; — побѣжденная и наказанная, она смирилась. Царь Иванъ Ва-

сильевичъ не требовалъ распространенія государства: онъ утвердилъ прежнія границы,—но Шведы были принуждены отпустить даромъ Русскихъ пленниковъ, а своихъ выкупить, и король, получивъ строгій урокъ и выслушавъ строгій выговоръ, согласился уже не требовать прямыхъ сношеній съ царемъ Москвы и всея Руси, а довольствоваться сношенніями съ намѣстникомъ Новогородскимъ. Скоро кончилась война Шведская, но въ слѣдъ за нею загорѣлась другая, болѣе важная.

Издревле жили на берегахъ Балтійскаго моря мелкія племена Финскія и Латышскія, погруженныя въ невѣжество и идолопоклонство. Въ XI-мъ и XII-мъ вѣкѣ, священники Русскіе уже начинали распространять между ними учение вѣры Христовой; но успѣхи были медленны и неудовлетворительны. Духовенство Римско-Католическое испроси-

ло у Русскихъ князей позволеніе содѣйствовать благому дѣлу,— обращенію идолопоклонниковъ въ Христіанскую вѣру,— и Русскіе князья согласились, разумѣя святость Христіанской обязанности. Но народы западной церкви не всегда понимали проповѣдь Христіанскую такъ же какъ и народы Православные. Вмѣстѣ съ проповѣдниками, въ началѣ XIII-го вѣка, явился и войны. То было страшное время въ исторіи человѣчества, по ужаснымъ войнамъ, опустошившимъ міръ, по ужаснымъ преступленіямъ, совершающимъ во имя Христово. Воинственное дворянство запада (въ то время называемое рыцарствомъ), не всегда уважало обязанности человѣка и Христіанина, но всегда вмѣняло себѣ въ обязанность распространять Христіанство по всей землѣ. Орудіемъ было у него не проповѣдь слова и любви, данная Христомъ своимъ Апостоламъ, но мечъ, оставленный древнимъ Римомъ новому Риму. Рыцари

считали себя въ правѣ нападать на всѣ народы языческіе, Магометанскіе и даже Православные: рѣзать, если защищались, обращать въ рабство, если покорялись. Войною, грабежемъ, убийствомъ и насилиемъ думали они служить Богу милосердія и любви, и по ложному вѣрованію, полагали прикрыть всѣ свои грѣхи чернымъ грѣхомъ убийства и порабощенія своихъ братій. Епископъ Римскій (папа), глава западной церкви, одобрялъ, благословлялъ ихъ и обѣщалъ имъ царство небесное. Эти вооруженные проповѣдники, называвшіе себя крестоносцами, известные намъ подъ именемъ Крыжаковъ, завоевали съверъ Германіи и пришли завоевать берега Балтійского моря отъ Пруссіи до устьевъ Невы. Племена Финскія и Латышскія были слишкомъ слабы для сопротивленія, а Россія порабощена Монголами. Ужасны были страданія при-Балтійской области, невѣроятны корыстолюбіе и

злоба Крыжаковъ, но они были мужественны, привычны къ войнѣ и съ головы до погъ закованы въ желѣзныя латы— и успѣхъ увѣличалъ ихъ беззаконное дѣло. Финны и Латыши были или перерѣзаны, или обращены въ рабство, и Нѣмецкіе рыцари основали новое независимое государство. Правителями были Нѣмцы-завоеватели; народъ состоялъ изъ побѣжденныхъ Финновъ и Латышей, но Европа признавала эту землю землею Нѣмецкою. Впослѣдствіи она покорена была Россіею и вошла въ составъ Русскаго государства. Еще немногіе знаютъ, что собственно Нѣмцевъ въ нашихъ Ость-Зейскихъ губерніяхъ весьма мало, не болѣе чѣмъ Русскихъ, и что все народонаселеніе состоитъ изъ народа, не знающаго Нѣмецкаго языка. Вскорѣ послѣ завоеванья прибрежнаго края, рыцари, пользуясь несчастіями Россіи, напали на ея предѣлы. Много изъ старыхъ областей было ими поко-

рено, много городовъ взято и переименовано въ Нѣмецкія имена (напр. старый Русскій Юрьевъ названъ Дерптомъ). Не безъ труда отбились Псковъ и область Новогородская. Но мало по малу ослабъ въ рыцаряхъ духъ воинственный, и Русские стали оттеснять ихъ и наказывать за прежнія обиды. Многіе князья Русские, особенно Александръ Невскій, князь мужественный и святой, прославились побѣдами надъ Ливонскими рыцарями. Наконецъ, дѣдъ царя Ивана Васильевича, побѣдитель Казани, смирилъ гордость рыцарства и наложилъ на него дань, въ 1503 году. Съ тѣхъ поръ уже не смѣло опо подымать руки противъ Россіи, но и не скрывало своей глубокой ненависти, не исполняло договоровъ и безразсудно оскорбляло государство, котораго величью завидовало. Послѣднимъ оскорбленьемъ было заключеніе въ темницу мирныхъ путешественниковъ, ученыхъ, призванныхъ изъ Германии ца-

ремъ Иваномъ Васильевичемъ. Казнь послѣдовала за преступлѣніемъ, и началась война, которая положила конецъ и независимости ордена Ливонскихъ рыцарей, и самому его существованью.

Не всѣ совѣтники царскіе соглашались въ пользу или въ необходимости Ливонской войны. Многіе полагали, что надобно воспользоваться удобнымъ временемъ и уничтожить Крымскихъ грабителей, такъ же какъ уничтожили Казань. Они говорили, что не слѣдуетъ безъ явной необходимости губить воинскую народы, исповѣдующіе Христіанство. Таково было мнѣніе Сильвестра и Адашева, конечно не въ томъ смыслѣ, будто бы уничтоженіе Христіанъ менѣе противно Богу, чѣмъ уничтоженіе Магометанъ и язычниковъ. Но Сильвестръ и Адашевъ знали, что война тогда только праведна, когда необходима, и думали, что на-

родъ Христіанскій и образованный могъ быть обузданъ договорами, между тѣмъ какъ народы Магометанскіе и кочевые должны были всегда оставаться врагами Россіи, и по вѣрѣ своей, и по свойству своихъ кочевыхъ и разбойническихъ обычаевъ. Царь Иванъ Васильевичъ не послушался своихъ совѣтниковъ, боялся, можетъ быть, нападенiemъ на Крымъ раздражить султана, или надѣялся пріобрѣсти большую славу и большую пользу завоеваньями на западѣ, или чувствуя слишкомъ глубоко обиды, паносимыя безпрестанно Ливонію Русской землѣ. Послѣдствія оправдали совѣтъ, данный Сильвестромъ и Адашевымъ. Крымскіе Татары черезъ нѣсколько лѣтъ опустошили Россію и сожгли Москву; а война Ливонская, начатая съ краткостію и славою, продолженная съ безразсудною жестокостію, кончилась величайшими бѣдствіями и стыдомъ.

За всемъ тѣмъ не только Русскіе, но

и иностранцы признавали справедливымъ наказанье Ливонскаго ордена, не исполнявшаго мирныхъ условій и нарушавшаго самыя простыя и ясныя обя занности въ отношеніи къ Россіи. Иванъ Васильевичъ объявилъ войну: Ливонскіе рыцари, -- утративши мужество своихъ предковъ и сохранившіе отъ нихъ только спесь, привычки къ буйной жизни и враждебное презрѣніе къ покоренному народу, -- испугались и смирились. Они просили пощады, и получили её. Царь даровалъ имъ миръ на условіяхъ неотя готительныхъ: едва прощеніе, они нарушили снова условіе мира. Русскіе полки вступили въ область Ливонскую, уже не для наказанья, а для завоеванья. Городъ за городомъ падалъ въ ихъ руки, побѣда за побѣдою вѣнчала ихъ подвиги. Орденъ снова просилъ мира, получилъ перемиріе и нагло нарушилъ святость до говора, надѣясь на покровительство Поль скаго короля. Но ни Польша, ни Шве

ція, ни императоръ Германскій не могли своимъ заступничествомъ спасти виновныхъ Ливонцевъ. Въ послѣдній разъ орденъ рыцарскій вступилъ въ борьбу съ Россіею; но борьба эта была уже невозможна. Большая часть Ливонской земли была покорена Русскими; нѣкоторые съверные округи захвачены Шведами и Датчанами, которые рады были воспользоваться паденiemъ ордена и побѣдами Россіи; вся остальная область, видя неминуемую гибель, отдалась во власть короля Польского и Литовского, и отказалась на всегда отъ своей свободы. Но совершенное паденіе Ливонскаго ордена произошло въ 1561-мъ году, а за годъ ранѣе, въ 1560-мъ, Россію постигло бѣствіе, за которымъ послѣдовалъ длинный рядъ несказанныхъ страданій и униженій.

Съмена зла, посъянныя въ душѣ царя воспитаньемъ и злыми примѣрами, о-

кружавшими его дѣтство, принесли ужасные плоды. Едва вступивъ въ царскія права, онъ уже показалъ, каково должно было быть его царствованіе. Бракъ его съ прекрасною и кроткою Анастасіею, изъ рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, или Романовыхъ, не могъ его укротить. Россію спасло на время самопожертвованіе Сильвестра и выборъ Адашева въ ближніе царскіе совѣтники. Казалось, царь перемѣнился. Кротокъ и милостивъ, не злопамяtenъ, не мстителенъ, правдолюбивъ, врагъ всякой неправды, правосуденъ къ боярамъ и отецъ для своего народа, таковъ былъ Иванъ Васильевичъ въ продолженіи XIII лѣтъ; и было на Россіи благословеніе Божіе, и глубокая, искренняя несказанная любовь народа платила царю за его добрыя дѣла. Но душа царя не перемѣнилась: его видимая перемѣна была только невольнымъ обманомъ, слѣдствиемъ сильного потрясенія, когда, еще будучи молодой и вылкій, онъ былъ

пораженъ ужасомъ отъ бѣдствій Москійского пожара , пораженъ страхомъ отъ словъ Сильвестра, говорящаго имѣніемъ Божіимъ , и исполненъ удивленія при видѣ его святаго мужества. Царь Иванъ Васильевичъ не могъ любить: чувство любви человѣческой , любви Христіанской было ему незнакомо ; его страсти были злы , но онъ могъ понять все великое , могъ плѣняться и плѣнился великимъ образомъ царя-благодѣтеля , который представился для него въ словахъ Сильвестра , въ совѣтахъ Адашева ; онъ покаялся, но не за просто , не какъ Христіанинъ , не какъ грѣшникъ, убитый своею совѣстю и плачущій передъ Богомъ въ чувствѣ своего духовнаго униженія, нѣтъ — самое его покаяніе, пышное и всенародное, было окружено блескомъ торжества. Такъ и въ продолженіи XIII лѣтъ благодѣтельствовалъ онъ Россіи не потому, что любилъ добро, но потому, что понималъ

славу и, такъ сказать, художественную красоту добра на престолъ. Онъ былъ, по его же словамъ, пльнникомъ не насилия, котораго даже и предполагать нельзя, не обмана, который былъ невозможенъ при его великомъ умѣ, но пльнникомъ понятія о великомъ Христіанскомъ вѣнценосцѣ, которое ему представляли Сильвестръ и Адашевъ и отъ котораго долго онъ не могъ освободиться. А между тѣмъ кипѣли его злые страсти, подавленныя, но не искорененныя; кипѣла злость, которая стыдилась самой себя, а все просила на волю;—а совѣтники не злые, но неразумные, не понимавшіе его души и завидовавшіе Сильвестру и Адашеву, наговаривали ему слова лести и недовѣрчности къэтимъ двумъ хранителямъ народнаго счастія. Прошло XIII лѣтъ безпримѣрнаго благополучія, безпримѣрнаго величія для Русской земли, безпримѣрной борьбы и тяжелаго напряженія для Сильвестра и

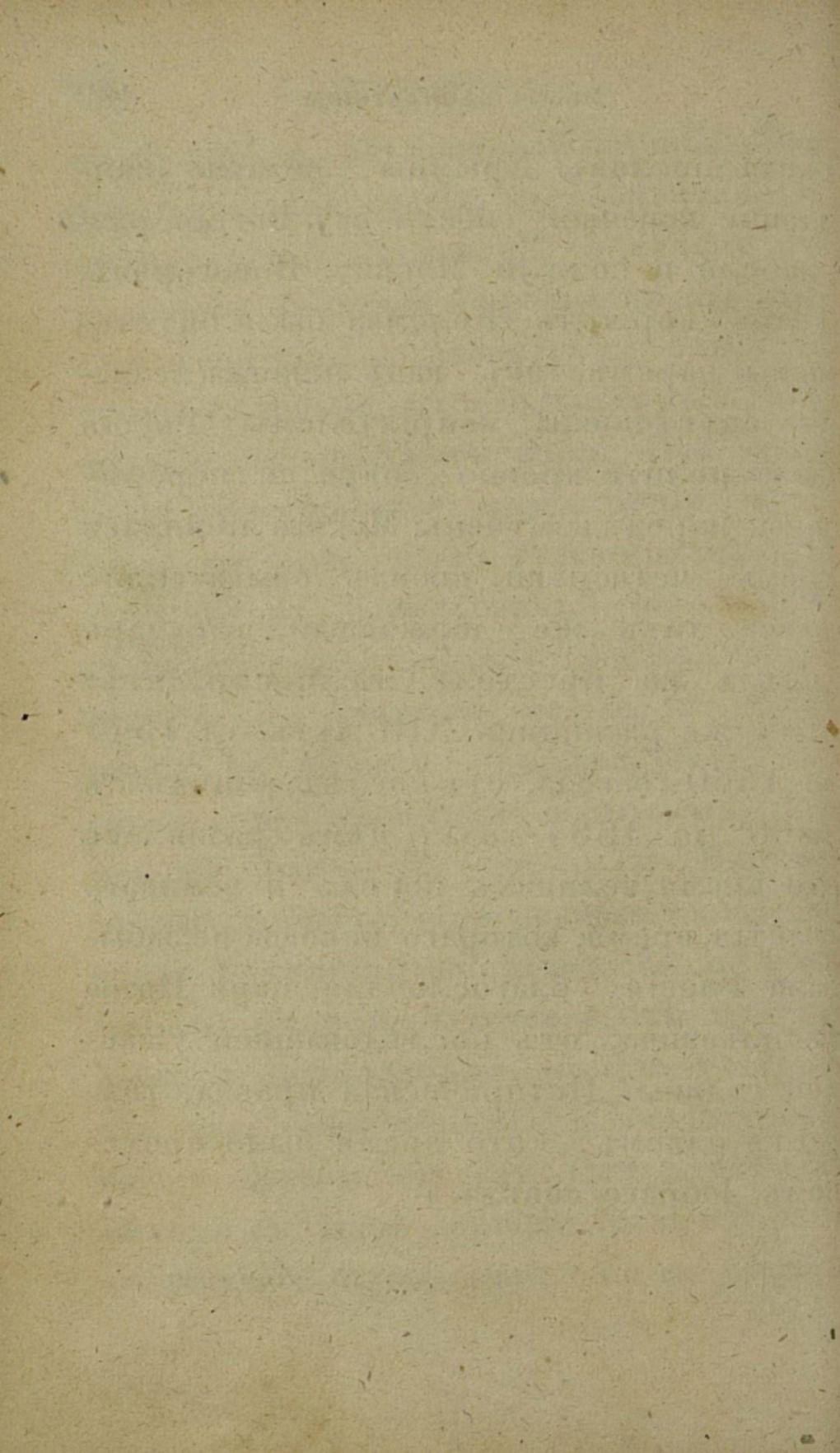
Адашева. По прежнему Сильвестръ былъ простымъ священникомъ, не просящимъ ни почести, ни власти; по прежнему Алексѣй Феодоровичъ Адашевъ, хотя возведенный въ званіе окольничаго, былъ бѣднымъ слугою Русскаго царства, отдающимъ все богатство, полученное отъ царя, неимущимъ и страдающимъ братьями, омывающій своими руками раны десяти прокаженныхъ, которымъ домъ его служилъ пріютомъ: но борьба съ миromъ утомила двухъ великихъ борцовъ, и, уступая зависти царедворцевъ, они думали, что привычка къ добру будетъ управлять царемъ не хуже ихъ благаго совѣта. Весною 1560 года, священникъ Сильвестръ просился на покой, и, благословивъ государя, заключился въ пустынномъ монастырѣ на съверѣ, а Адашевъ, служившій такъ долго царю мирнымъ совѣтникомъ, просился на службу ратную въ справедливой войнѣ противъ Ливонскихъ рыцарей. Но въ пус-

тышъ Сильвестръ блисталъ славою своихъ Христіанскихъ и иноческихъ добродѣтелей, а Адашевъ пріобрѣлъ славу военную и содѣйствовалъ взятию грозной крѣпости Феллина.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1560 года, снова вспыхнулъ пожаръ въ Москвѣ, и большая часть ея снова сдѣлалась жертвою пламени; много людей погибло въ этомъ бѣдствіи. Кроткая царица Анастасія, уже страдающая тяжкою болѣзнію, была вынесена изъ Кремля черезъ пылающія улицы Москвы, но ея здоровье не устояло противъ этого потрясенія, и 7 Августа кончила она свою Богоугодную жизнь. Такъ разорвана была послѣдняя цѣпь, связывавшая Ивана Васильевича; такъ разрушилась святыня семейнаго счастья, въ которомъ его бурная душа находила успокоеніе. Первымъ дѣломъ его было возвращеніе къ прежней буйной жизни; вторымъ—допущеніе безстыдной клеветы на Сильвестра и Ада-

шева, будто отравителей царицы. Они просили очной ставки съ обвинителями: митрополитъ Московскій и лучшіе царедворцы признали справедливость этого требованія, но завистники отвергли просьбу, говоря, что Сильвестръ и Адашевъ снова очаруютъ царя. Они знали силу Христіанскаго краснорѣчія, противъ котораго былъ беззащитенъ разумъ Ивана Васильевича, какъ ни возставали его дурная страсти. Сильвестръ и Адашевъ не были допущены въ Москву: первый былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, второй заключенъ въ темницу въ Юрьевѣ (нынче Дерптъ), еще недавно покореннымъ Русскими войсками: оба, по волѣ Божіей, умерли въ теченіи года и не видали страшныхъ бѣдствій Россіи. Ливонія была снова отнята у Русскихъ Литвою и ея великимъ королемъ Стефаномъ Баториемъ. Царь долженъ былъ слушать униженно наглыя ругательства Литов-

скихъ пословъ. Крымцы, недавно ожидавшіе конечной гибели отъ Россіи, разграбили и сожгли Москву; Новогородъ, Тверь, Торжокъ, Коломна были опустошены царемъ такъ, какъ никогда не были опустошены непріятелемъ. Россія была полита кровію; бояре ея перерѣзаны; народъ измученъ; Москва лишилась трехъ четвертей своихъ обывателей, а все тотъ же державный государь сидѣлъ на престолѣ. Если спросятъ: чѣмъ же разнились XIII лѣтъ, съ 1547 до 1560-го года, отъ послѣдующихъ, съ 1560 до 1584 года? чѣмъ разнилось это время великихъ побѣдъ и великаго счастія, время, котораго никогда не забывала Россія, благословляя царя Ивана Васильевича, отъ послѣдовавшей ужасной годины? Историческая правда отвѣчаетъ однімъ: «это время было временемъ доброго совѣта.»

НѢМЕЦКІЯ НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

I. ПРЕДАНІЯ О КАРЛѣ ВЕЛИКОМЪ.

Кромъ записанной исторіи, у каждого народа есть изустныя преданія о великихъ дѣлахъ и людяхъ старого времени. Такія преданія занимаютъ средину между исторіею и поэзіей. Содержаніемъ ихъ служитъ всегда дѣйствительная быль, но разсказъ, переходившій отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ,

часто носить на себѣ печать сказки. Простой народъ не знаетъ книжной исторіи. Прошедшія события ему не кажутся чѣмъ-то неподвижнымъ, конченнымъ: онъ какъ будто играетъ ими, свободно измѣняя подробности разсказа. Исторія, какъ наука, старается рѣзко обозначить каждое явленіе, опредѣлить его время и мѣсто; преданіе не заботится о такой вѣрности. Въ немъ есть истина другаго рода. Въ немъ высказывается любовь и ненависть народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину. Чѣмъ сильнѣе событие или человѣкъ коснулись народной жизни, тѣмъ глубже западаютъ ихъ образы въ память, тѣмъ болѣе хранится объ нихъ разсказовъ. У Германскаго племени много прекрасныхъ историческихъ преданій. Они частію собраны и записаны учеными людьми, между которыми первое мѣсто принадлежитъ двумъ братьямъ: Якову и Вильгельму

Гриммамъ (*). Ихъ благородныя имена должны быть извѣстны нашимъ моло-дымъ читателямъ.

Дѣла и заслуги Карла Великаго всѣмъ извѣстны. Онъ соединилъ въ одно большое государство почти всю западную Европу, обвелъ это государство твер-дыми границами и скрѣпилъ общими учрежденіями и законами. Языческіе Сак-сы, жившіе въ съверной Германіи, были обращены имъ къ Христіанству. Мно-жество школъ возникло по его волѣ. Короче, онъ было обновителемъ духов-ной и гражданской жизни на западѣ. Многое изъ созданного имъ вскорѣ ис-чезло, еще болѣе сохранилось. О такихъ людяхъ не забываютъ народы. Въ пѣс-няхъ и преданіяхъ хранять они ихъ па-мять. Вотъ нѣсколько преданій о Карлѣ Великомъ.

(*) Deutsche Sagen, herausgegeben von den Brü-dern Grimm. Berlin. 1816.

1. Карлъ и Дезидерій Лонгобардскій.

Когда Карлъ Великій пошелъ войною на Лонгобарцевъ, при дворѣ ихъ короля Дезидерія жилъ Огеръ, благородный Франкъ, бѣжавшій изъ отечества, гонимый гнѣвомъ Карла. Услышавъ о приближеніи Франкскаго войска къ Павіи, Дезидерій и Огеръ взошли на вершину башни, съ которой можно было обозрѣть всю окрестность. Вдали показались обозы Франковъ. Они покрывали большое пространство. «Не здѣсь ли самъ Карлъ?» спросилъ король Дезидерій. «Его здѣсь нѣтъ» отвѣчалъ Огеръ. Потомъ явилось ополченіе, собранное со всѣхъ концовъ государства. «Карлъ вѣрно самъ идетъ съ этими воинами,» сказалъ опять Дезидерій. «Нѣтъ еще, нѣтъ еще» отвѣчалъ Огеръ. Тогда смутился Лонгобардскій король и молвилъ: «что же будетъ съ нами, если съ Карломъ ихъ придетъ еще болѣе?» «Когда и какъ онъ при-

деть, сказалъ Огеръ, ты увидишь самъ; что съ нами будетъ — не знаю.» Между тѣмъ приблизилась новая толпа. На вопросъ Дезидерія Огеръ отвѣчалъ по прежнему: «его еще нѣтъ, подожди.» Потомъ они увидѣли съ башни своей длинные ряды епископовъ, аббатовъ, священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ, шедшихъ вмѣстѣ съ войскомъ. Дезидерій не взвидѣлъ свѣта и зарыдалъ. «Сойдемъ скорѣе внизъ, — говорилъ онъ, — и скроемся гдѣ-нибудь подъ землею предъ лицомъ страшнаго врага.» Тогда вспомнилъ Огеръ о прошедшихъ, лучшихъ годахъ своей жизни и о великой силѣ короля Карла. Онъ сказалъ Дезидерію: «когда поля твои покроются железными колосьями, когда рѣки потекутъ на городъ железными волнами, тогда жди Карла. Онъ явится передъ тобою.» Онъ еще не успѣлъ кончить, какъ съ запада и съ сѣвера поднялись мрачныя тучи и затмили ясный день.

Немного спустя наступила настоящая тьма. Тогда явился самъ Карлъ. Онъ былъ въ железѣ. На головѣ у него былъ железный шлемъ, на рукахъ железныя рукавицы, на широкой груди железные латы. Лѣвой рукою онъ держалъ железное копье. Въ правой руцѣ былъ мечь; щитъ былъ железный; даже конь его, во крѣпости и цвѣту, казался железнымъ. Воины, шедшіе съ Карломъ и позади его, и остальная дружина были почти такъ же вооружены. Стѣны Павіи задрожали. Огеръ взглянулъ на страшную рать. «Вотъ тотъ, о которомъ ты спрашивалъ меня,» сказалъ онъ королю Лонгобардовъ, и безъ памяти повалился на землю.

2. Карлъ Великій и змѣя.

Въ бытность свою въ Цюрихѣ, императоръ Карлъ приказалъ поставить столпъ и привязать къ нему колоколъ. Отъ колокола къ землѣ была спущена

веревка. Когда императоръ сидѣлъ за обѣдомъ, каждый могъ подойти къ столу, звонить и требовать себѣ суда и расправы. Однъ разъ случилось, что колоколъ зазвонилъ, но вышедшіе служители не замѣтили никого у веревки. Звонъ раздался снова. Карлъ приказалъ служителямъ вытти опять и узнать о причинѣ звона. Тогда только увидѣли они большую змѣю, которая дергала зубами веревку и такимъ образомъ приводила въ движеніе колоколъ. Испуганные слуги возвратились назадъ и донесли о видѣнномъ своему государю. Ни человѣку, ни животному не хотѣлъ Карлъ отказать въ судѣ и правдѣ. Онъ самъ пошелъ къ странной просительнице. Змѣя, завидѣвъ его, почтительно преклонила голову и поползла предъ нимъ къ берегу озера, гдѣ указала ему на гнѣздо свое. Въ немъ сидѣла огромная жаба. Карлъ разсудилъ ихъ: змѣи возвратилъ гнѣздо, а жабу приказалъ сжечь.

Черезъ нѣсколькоъ дній змѣя снова пришла ко двору, всползла на столъ, за которымъ сидѣли императоръ и его гости, и подняла крышку съ одного изъ кубковъ. Она опустила въ кубокъ драгоцѣнныи камень, который держала во рту, преклонилась передъ Карломъ и отправилась назадъ. Впослѣдствіи, тамъ гдѣ онъ нашелъ гнѣздо змѣи, Карлъ Великій выстроилъ церковь, а камень подарилъ супругѣ своей.

3. Возвратъ короля Карла изъ Венгрии.

Король Карлъ отправился въ походъ для обращенія язычниковъ, жившихъ въ нынѣшней Венгрии, къ Христіанству. Предъ разлukoю онъ обѣщалъ супругѣ своей возвратиться черезъ десять лѣтъ. По прошествіи этого срока, она должна была считать его мертвымъ и молиться за его душу. Девять лѣтъ прошло такимъ образомъ безъ него; въ государ-

ствѣ не было ни порядка, ни мира. Везде пожары, да разбои. Тогда вельможи собрались у королевны и стали ее просить, чтобы она выбрала себѣ другаго мужа, способнаго охранять государство. Королева долго отказывалась, но наконецъ принуждена была уступить общимъ требованіямъ и жалобамъ на бѣдствія государства. Нашелся женихъ, богатый и сильный король. До свадьбы оставалось только три дня.

Богъ не допустилъ этому исполниться. Ангель увѣдомилъ Карла о томъ, что ему угрожало. « Но какъ же мнѣ поспѣть къ сроку,» сказалъ король; — осталось только три дня, а путь великъ. » « Не заботься объ этомъ, — отвѣчалъ ему Ангель, — Богъ милосердъ и всемогущъ. Поди и купи у твоего писаря его крѣпкаго коня. Черезъ болота и поля донесеть онъ тебя въ одинъ день къ городу на Раабѣ. Тамъ ты переночуешь и наркомишь лошадь. На другой день, рано

утромъ отправляйся вверхъ по Дунаю къ Пассау. Тамъ ты еще разъ ночуешь. Въ Пассау оставь своего коня. У хозяина дома, гдѣ ты остановишиесь, есть жеребенокъ: купи его. Онъ принесетъ тебя на третій день въ родной край твой.»

Карлъ поступилъ, какъ ему приказано, купилъ у своего писаря его коня и въ одинъ день поспѣлъ къ Раабу. На другой день, солнце еще не заходило, и онъ уже прибылъ въ Пассау, гдѣ нашелъ хороший ночлегъ. Вечеромъ, когда скотъ возвращался съ поля, Карлъ замѣтилъ прекраснаго жеребенка, схватилъ его за гриву и сказалъ: «хозянъ, уступи его мнѣ; завтра я на немъ уѣду.» «Нѣть,—могъ хозяинъ,—жеребенокъ еще молодъ и ты сѣдокъ ему не по силамъ. Онъ ненесетъ тебя.» Король сталъ снова просить. Тогда хозяинъ, видя его желаніе, согласился, а Карлъ въ свою очередь

продалъ ему коня, на которомъ совершилъ уже такой длинный путь.

На третій день, рано король пустился въ дорогу. Онъ мчался, не останавливаясь, до самыхъ воротъ столицы своей — Ахена. Тутъ онъ сталъ на ночлегъ. Въ городѣ было большое веселье: пѣсни и пляски. Карлъ спросилъ: «это что такое?» хозяинъ дома сказалъ ему: «сегодня празднуется большая свадьба; королева наша выходитъ замужъ за богатаго короля. Пиръ идетъ великій. Молодыхъ и старыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ угощають виномъ и кушаньемъ. Для коней также много приготовлено корму.» — Король Карлъ сказалъ: «я останусь у тебя. Свадебнаго угощенія мнѣ не нужно. Вотъ тебѣ золото, поди и купи мнѣ ъесть, чтобы всего было довольно.» Хозяинъ, смотря на золотыя деньги, удивился и про себя подумалъ: и вотъ настоящій, благородный рыцарь. Я такихъ еще не видывалъ. » Кушанье было при-

готовлено бѣгатое. Когда Карлъ пѣужиналъ, онъ позвалъ къ себѣ на ночь хозяинскаго сторожа и легъ спать. Передъ сномъ онъ просилъ сторожа разбудить его, какъ только начнутъ благовѣстить въ соборѣ. Въ награду за эту службу онъ обѣщалъ ему золотой перстень. При первомъ ударѣ колокола, сторожъ подошелъ къ спящему королю и сталъ его будить: « Вставайте, господинъ. Въ соборѣ звонять. Дайте мнѣ заслуженный перстень. » Карлъ поспѣшилъ поднялся, надѣлъ дорогую одежду и просилъ хозяина проводить его. Рука обѣ руку, пошли они къ королевскому замку, но ворота были заперты большими запорами. — « Вамъ придется лезть подъ ворота, если вы непремѣнно хотите войти, — сказалъ хозяинъ, — только тогда вы замараете платье. » — « Я обѣ этомъ не забочусь, » отвѣчалъ король и пролезъ вмѣстѣ съ путникомъ своимъ въ замокъ. Потомъ Карлъ вошелъ въ

соборъ, сѣлъ на стоявшій тамъ престолъ и положилъ себѣ на колѣни обнаженный мечъ. А по древнему Франкскому обычаю, всякий, кто сидѣлъ на престолѣ, что стоялъ въ соборѣ, становился королемъ. Вскорѣ пришелъ одинъ изъ церковниковъ. Увидѣвъ спящаго Карла съ обнаженнымъ мечемъ, онъ испугался и поспѣшилъ уведомить священника: «Сѣдой, незнакомый человѣкъ сидѣтъ на престолѣ и держитъ голый мечъ на коленяхъ.» Священникъ и другіе каноники не хотѣли вѣрить ему: одинъ изъ нихъ взялъ свѣтильникъ и смѣло пошелъ въ церковь. Когда передъ его глазами явился Карлъ, онъ бросилъ въ ужасъ свѣтильникъ свой на полъ и бѣжалъ къ самому епископу. Епископъ приказалъ двумъ изъ прислужниковъ своихъ взять свѣчи и отправился съ ними къ собору. Подойдя къ Карлу, онъ робко спросилъ у него: «скажи намъ, кто ты такой, здѣшний или загробный жи-

лецъ, и чѣмъ побудило тебя сѣсть на э-
тотъ престолъ?» Тогда поднялся съдой
незнакомецъ и молвилъ: «ты зналъ ме-
ня, когда меня звали королемъ Карломъ
и не было государя сильнѣе меня.» Онъ
приблизился къ епископу, чтобы тотъ
могъ его разсмотреть. Епископъ тот-
часъ его узналъ, радостно поздравилъ и
обнялъ. Потомъ онъ повелъ его въ бо-
гатый домъ свой. Начался большой звонъ
и свадебные гости стали спрашивать о
причинѣ этаго звона. Когда имъ сказали,
что возвратился король Карлъ, они про-
ворно разошлись и каждый спѣшилъ
убраться домой. Но епископъ просилъ
Карла перемѣнить гнѣвъ на милость и
любить по прежнему королеву, кото-
рая противъ воли согрѣшила передъ
нимъ. Король послушалъ его просьбы,
простилъ вельможамъ и съ королевою
сталъ жить по прежнему въ любви и
согласіи. —

Много другихъ разсказовъ сохранила признательная память западныхъ народовъ объ императорѣ и королѣ Карлѣ. Изъ приведенныхъ выше видно, въ какомъ образѣ являлся онъ народному воображенію.

T. Грановскій.

me

